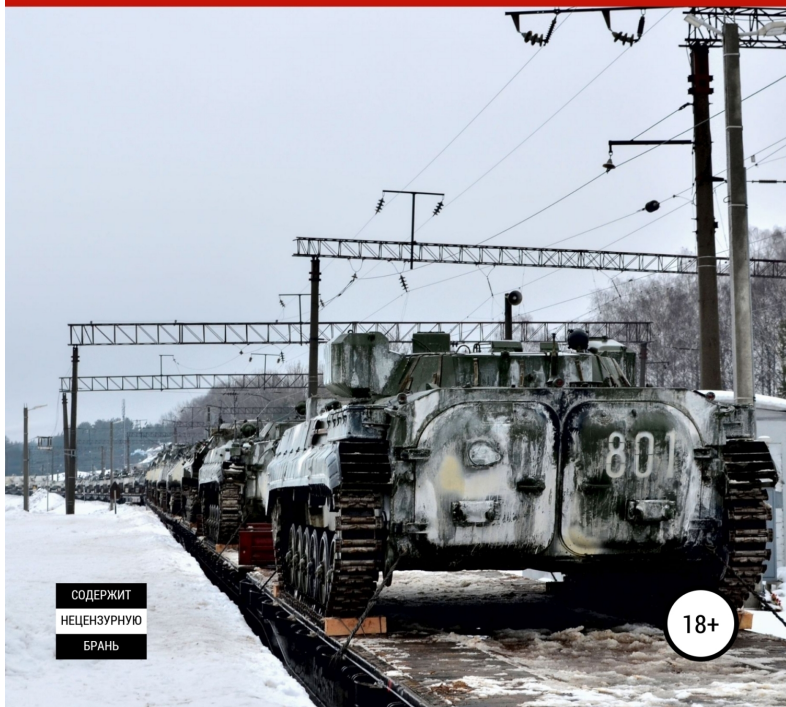

НЕ ХОДИ СЛУЖИТЬ В ПЕХОТУ!

Юрий Тимофеев

Книга 7. Северный ветер. Возрождение.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Тимофеев
Не ходи служить в пехоту!
Книга 7. Северный
ветер. Возрождение
Серия «Не ходи служить
в пехоту!», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67832058

SelfPub; 2022

Аннотация

Продолжение серии «Не ходи служить в пехоту!»

Окончание военной реформы в России, контрреформа и подготовка к первой войне реформированных Вооружённых сил. Начало событий на территории бывшей Украинской ССР. Подготовка и начало операции «Возмездие» в Сирии. Как это было глазами офицера ГОУ Генштаба? Как тогда ко всему относились и что думали в то время, как переживали события в России и мире? Книга будет опубликована, когда на территории бывшей Украинской ССР вовсю идёт то, что нельзя называть «войной». Возможно некоторым книга поможет понять, почему всё идёт именно так, а не иначе.

Текст книги – это полный художественный вымысел автора, не имеющий отношения к большим начальникам и их неприкасаемым персонам. Совпадение с некоторыми фамилиями и должностями политиков и начальников – невероятная случайность. Я не профессиональный писатель и не претендую на столь высокое звание. Перед вами текст самого обычного бывшего армейского офицера-гражданина своей страны..

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Юрий Тимофеев

Не ходи служить в пехоту!

Книга 7. Северный ветер. Возрождение

Предисловие

Продолжение серии «Не ходи служить в пехоту!».

Окончание военной реформы в России, контрреформа и подготовка к первой войне уже реформированных Вооружённых сил Российской Федерации. Начало событий на территории бывшей Украинской ССР. Подготовка и начало операции «Возмездие» ВС РФ в Сирии. Как это было глазами офицера Главного оперативного управления Генерального штаба? Зачем там воевали и за что? Так ли всё было гладко? Эта книга о людях, преданных России – и только России. Не боевик, совсем нет. Как тогда ко всему относились и что думали в то время, как переживали события в России и мире? Книга не столько про войну, сколько про жизнь и службу. Про этих два связанных воедино процесса жизни военного человека. Прежде чем заплатить деньги и купить эту книгу обратите внимание что это не боевик – совсем не боевик.

Книга будет опубликована, когда на территории бывшей Украинской ССР вовсю идёт то что нельзя называть «войной». Возможно некоторым книга поможет понять почему всё идёт именно так, а не иначе. Поможет понять, как работает Генштаб, как внутри его крутятся все эти «шестерёночки», с кем и как он взаимодействует, и кто за что отвечает. Как принимаются решения на политическом уровне, кем и как организуется их выполнение?

Текст книги – это полный художественный вымысел автора, не имеющий отношения к большим начальникам и их неприкасаемым персонам. Совпадение с некоторыми фамилиями и должностями политиков и начальников – невероятная случайность.

Я не профессиональный писатель и даже не претендую на столь высокое звание. Поэтому не ищите здесь изысканных оборотов и слога профессионала-литератора. Перед вами текст самого обычного бывшего армейского офицера, солдата России – пехотинца, отдельного незаметного человека и гражданина со своим мировоззрением и убеждениями.

Глава 1

Россия, Калининградская область, г. Светлогорск. Август 2008 года

Мой мозг всё ещё воспроизводил недавно пережитые события войны с Грузией. Хотя я имел огромный опыт боевых действий и знал, как работать над собой после таких тяжёлых событий, тем не менее продолжал об этом думать. Теперь война с грузинами – это история. Особый отпечаток на моё мышление накладывало убийство грузинами 12 военнослужащих нашего миротворческого батальона, который находился в Южной Осетии по приглашению самих же грузин. Уже не было сомнений, что наши руководители постараются эту подлость не вспоминать. Их соображения для меня не имели значения, потому что я считал, что грузины должны быть очень сурово наказаны именно за убийство миротворцев. Те наши братья, кто погиб в боях с грузинами не из миротворческого батальона, – это другое. Безусловно, их память должна быть увековечена везде, где только можно. Но убийство миротворцев – это отдельная трагедия, полностью раскрывающая сущность врага. Ужасное азиатское восточное коварство, самое циничная разновидность предательства.

Тема предательства в тот момент в моей душе обострилась невероятно.

В один из вечеров мы с Леной сидели в кафе «Виктория» в Светлогорске. Жаркий день. Я пил отличное германское холодное пиво. Лена же пила сухое белое вино из Италии. Заметил, как за столик в противоположном углу веранды усаживаются двое мужчин. Присмотрелся. Узнал одного из гостей. Отвёл взгляд и опустил голову.

Это был Курдюмов. Тот самый Курдюмов, недолгое время служивший командиром нашей роты в полку в Нагорном Карабахе, который вместе со своими земляками-украинцами сбежал на Украину в далёком 1992 году. Мой бывший друг, предавший меня и советского армейского офицера, исполнившего свой долг до конца, бывшего капитана Советской армии Игнатовича. Мы с Игнатовичем с того момента считали его предателем. Предателем нас и нашего полка. Курдюмов не был предателем Родины, так как к тому моменту СССР уже не существовал. Но был предателем-предателем, гнидой. Сволочь... Скулы сжимаются непроизвольно. Настоящий современный Мазепа. К счастью, не многие, совсем не все офицеры бывшей великой Советской армии, видели предательство явно. Мне не повезло. Я видел. Массовое предательство со стороны кавказцев и украинцев. И не только в Карабахе. Помнил, как офицеры не возвращались с Украины из отпусков в наш выведенный только что из Германии мотострелковый полк в Нижегородской области, не попрощавшись со своими сослуживцами, не сказав ни слова и даже не проставившись.

Наказать. Наказать хочется эту мразь... И не надо меня обвинять в каких-то грехах! Я четыре войны прошёл. Имею право думать и размышлять. Я не из тех, которым: «Да мне пофиг», «Я вообще над этим не думаю» и т. д. Я думаю и буду думать! Так есть и так будет. Интересно, что у этой твари человеческой в голове. Очень интересно.

– Что с тобой? – спросила Лена.

– Там сел за столик один человек, которого я хорошо знаю, но с которым не хочу разговаривать. Боюсь последствий...

– Поняла. Где он?

Я объяснил.

– В таких случаях никогда нельзя смотреть на него и вообще в ту сторону. Правильно делаешь. Постарайся бесшумно встать и уходи быстро по прямой к кинотеатру, далее по дорожке влево в сторону центральной площади. Жди меня у входа в управление военного санатория. Я рассчитаюсь и подойду.

Так и сделал.

Однако уже на ходу подумал о том, какие чёткие и правильные инструкции она мне дала. Какое у неё холодное самообладание. Неужели?.. Неужели то, что сказал мне Игорь, правда? Но она и раньше не была растеряшей или растяпой. Чёрт! Что за женщина такая?! Совсем не «ой, забыла»!

Сразу же, на зашкаливающих эмоциях, набрал Игорю и рассказал, что увидел Курдюмова. Он меня спросил:

– По другому вопросу есть что-то новое?

– Нет. Пока ничего. Но мы не говорили на серьёзные темы. Отдыхаем.

– Вот и не спеши. Постарайся сам не инициировать. Выжди. По Курдюмову понял. Жди. Но сам не ввязывайся в разговоры и не вздумай разборки устраивать. Надо сначала понять, что он собой сейчас представляет.

Я остановился и стал рассматривать окружающее нас европейское великолепие. В груди неимоверно билось сердце, как в бою.

Вдруг сзади мне на плечо легла ладонь Лены. Я вздрогнул от неожиданности.

Лена широко и по-доброму улыбалась, от неё исходило невероятное обаяние. Мы обнялись. Но я был очень удивлён её неожиданным появлением. Ещё раз обвёл беглым взглядом место, где мы стояли. Никак не ожидал, что она появится позади меня, ведь я стоял спиной к зданию, подойти ко мне с тыла можно было, только преодолев небольшой проход между рядом густых кустов и ступеньками для входа в это здание.

– Неправильное ты место выбрал. Если бы твой знакомый вышел из-за этого поворота, то куда тебе было бы деваться? Только резкий разворот и движение в противоположном направлении. Это очень явно. Детский сад, товарищ полковник!

Вот это да! Я о таком даже не подумал. Эх, Лена.

– А ты прямо конспиратор, – я не выдержал и поддел её .

– Конспиратор. А ты как думал? Мне иногда приходится избегать неприятных встреч или таких, при которых разговор может затянуться. Я с людьми всю жизнь работаю. Всякие ситуации бывают. Тем более Лондон – это ещё бóльшая деревня, чем твоя Москва. У нас запросто ходят, как обычные люди, миллиардеры, а в моей клинике – каждый долларовый миллионер как минимум. Для жителей Лондона это не так уж и много.

А может зря я так про Лену? Действительно, что тут премудрого? Эх, загрузил меня Игорь, нет мне теперь покоя.

– Расскажи, что это за товарищ такой?

Я достаточно подробно рассказал о Курдюмове.

– Понятно. Но всё-таки объясни, почему ты считаешь, что он обязан был вам сказать о своём побеге на Украину.

– Понимаешь, когда его посадили в СИЗО, а мы подняли в полку лейтенантский бунт, никто ещё не знал, что через три года не будет СССР. Никто вообще не мог представить себе такого. Политорганы тогда были, и они не шутили никогда. То есть если бы остались СССР, КПСС, то нам бы этого не простили. Другими словами, мы всю свою жизнь поставили под удар из-за него. Он всё знал в цветах и красках, много раз благодарил и говорил, что мы настоящие друзья и офицеры. Вот так! Теперь положи это на мои представления о чести и порядочности в те времена и подумай. Я и сейчас ему ничего не простил. Это подлость и предательство нас, его бывших

друзей.

– Юра, в каком году его в СИЗО сажали?

– В 1989-м.

– Почти двадцать лет прошло. Ты столько видел. Даже странно слышать твой юношеский максимализм.

– Я предательство такое явное встретил только один раз. К счастью. Вот так чтобы не где-то кто-то там вообще, а глаза в глаза. Предательства не прощаю. И не прощу. Врага на поле боя могу простить запросто. Несложный вопрос. Можно ненавидеть Джугашвили, коммунистов и советскую власть, но стать власовцем недопустимо. Могу на примерах.

– Интересно. Скажи.

– Есть подполковник Русской императорской армии, генерал-лейтенант Красной армии Дмитрий Михайлович Карбышев. Есть любимчик Джугашвили, бывший генерал-лейтенант Красной армии Власов. Первый принял мученическую смерть в плену, потому что для него Родина есть народ, за который он воевал независимо от того, кто у власти. Армия вне политики! Ну а с Власовым всё и так понятно. Ему на всё плевать, кроме собственной шкуры. Была власть Джугашвили – он ему жопу лизал. Оказался под властью Гитлера – стал ему жопу лизать. Один человек с внутренним стрежнем, с мировоззрением, другой – приспособленец, предавший всех, даже своих женщин.

– Про женщин поподробнее.

– Сама почитай в интернете.

– Ты считаешь, что супружеская измена – это сравни предательству Родины?

– Нет, конечно. Тут не так прямолинейно. Когда любовница и ложь сплошная. Когда одной врёшь про любовь и другой тоже – тогда предательство. Когда таких слов не говоришь – не знаю. Семейные дела – это не моя тема. Я не священник. И далеко не святой. Когда так просто, как вина попить, и не в церковном браке – тогда не предательство. На мой взгляд. Вот если я тебе скажу, что люблю тебя, а потом заведу любовницу и буду врать обоим, называй меня предателем.

– А ты ведь не говоришь мне таких слов.

– Не говорю. Не готов такие слова говорить. И ты не говоришь.

– И я не могу сказать.

– Вот и не надо, если нет такого душевного желания. Зачем врать?

– А предать бы меня смог?

– Как именно? Что конкретно ты имеешь в виду? Приведи пример.

– Ну, например, взять и рассказать какие-то мои секреты. Или сотрудничать с вашей ФСБ, используя меня?

– Это исключено. А ты смогла бы?

– А я не знаю.

– Как тебя понимать?

– Знаешь, можно так красиво сейчас сказать. Соврать просто. Но я не хочу. Тот же Власов, если бы не попал в плен,

стал бы маршалом нашей Великой Победы. Мы с тобой говорили бы о нём с уважением. А вот оказался он в такой сложной жизненной ситуации и раскрылся с совсем другой стороны. А представь женщину, у которой, например, с одной стороны, Родина, а с другой – жизнь собственного ребёнка. Вот не сделаешь это или это – ребёнок умрёт. Я, скорее всего, выберу его жизнь. А ты?

– Я для себя давно ответил на этот вопрос. Ещё школьником мучился, думал о том, что такое Родина. Ты это наверняка помнишь.

– И что за столько лет твои взгляды не изменились?

– Изменились. Я ещё больше в них утвердился. Я не наёмник, воевавший за деньги. Не какой-то там контрактник из частной военной компании. За деньги никогда не воевал. И не буду. Нам никогда не платили хоть сколько бы уважаемые суммы. А чаще воевали мы вообще без всего этого. Воевали по убеждению. И это не просто слова. Я уже делом доказал всё что только можно. Все, кто воевал в армии в первую чеченскую – все воевали по убеждению. Я офицер армии своей страны, и мой долг – выполнять приказ Родины.

– Ну а у меня не было возможности себя проверить. Слава богу, и выбора такого – тоже: Родина или жизнь. Пока не столкнёшься, не ответишь на этот вопрос.

– Пожалуй, ты права. Но сегодня я встретил предателя своих друзей, предателя своего полка. Если бы он остался с полком до конца, а потом, попрощавшись с нами по-офи-

церски, уехал на свою Украину – нет проблем. Человек выполнил свой долг. Неважно, что военная присяга уже не действовала. Военная присяга – это закон, то есть норма права. А есть ещё нормы морали, к ним относятся такие понятия, как долг и честь. Есть нормы нравственности: грех в браке, обжорство, курение табака или пьянство, наркомания, а для мусульман запрет на свинину, например. Среди героев нашей Родины наверняка были заядлые курильщики, большие любители женщин, водки и вина. Многие из них на фронтах имели походно-полевых жён, если была такая возможность. Нормальные мужики!

– Ого! Как ты всё по полочкам. Как у вас, военных, всё чётко. Вот теперь всё понятно. Спасибо.

– Так вот, этот человек – моральное ничтожество.

– Этот человек – дерьмо. Тебе лучше с ним не встречаться, а то может легко до драки дойти. Пойдём в кафе на променаде. Там посидим, я кушать хочу.

Мы пошли в кафе, а потом долго гуляли.

Утром мне позвонил Игорь. Мы с Леной сидели на завтраке в отеле. Я встал и пошёл на улицу, предупредив Лену, что звонят по службе.

– Юра, этот гандон приехал в Калининград за машиной. Он машины гоняет из Германии, Польши, Литвы, Москвы, Питера и Калининграда к себе на Украину. Живёт в Крыму. Там же типа служит в их армии. Ну ты понимаешь, что там за служба. Платят им мало, поэтому эти машины у него ос-

новной заработок. То есть у них 90-е годы всё ещё никак не закончатся, – хихикнул Игорь.

– Понятно. Что-то у меня руки чешутся. Не даёт он мне покоя. С мыслью о нём уснул, с ней же и проснулся.

– Вариантов много. А надо ли? Может, отпустим эту мразь?

– Эх, не могу я так миролюбиво. Сделать ему что-то охота.

– Давай подумаем. Время будет. Я устрою ему мелкие проблемы. На несколько дней, просто чтобы у нас с тобой было время подумать. Не спеши. Решишь что-то – позвони. Я бы его отпустил. Пусть дурачок всю жизнь ментам жопу лижет с этими машинами.

До самого вечера я думал только об этом.

Отпустить – это широкий жест, по-христиански. Наказать – этого я хочу. Но зачем? Унизить. Зачем? Показать сволочи, что он сволочь. Зачем? А может, ему в глаза сказать, что я думаю? Зачем? Бесконечные «зачем?». И так по кругу весь день.

Вечером набрал Игнатовича. Всё ему рассказал, за исключением того, что могу его наказать через Игоря.

– Б...ть, этого бандеровца надо так наказать, чтобы он, сука, кровью умылся. А ты не знаешь, он машину погонит через Польшу или Беларусь?

Кстати, я обратил внимание, что Игнатович как-то незаметно перешёл на слово «Беларусь» вместо «Белоруссия». Как-то мне это не нравилось, но я решил, что поговорю с

ним на эту тему при очной встрече, «повоспитываю» своего бывшего командира, пристыжу, ведь, когда мы служили в Советской армии, я от него такого слова не слышал и считал, что это попытка уйти от слова «Россия» в названии своей страны.

– Наверное, через Польшу, там вроде бы лучше, удобнее и короче немного.

– Ни хера. Дороже получается. Бензин и вообще всё. Это жлобьё каждую копейку считает, наверняка поедет через Беларусь. Если так, то будь уверен: я его встречу. Ох я ему устрою!

– Я не знаю, когда он поедет.

– Не твоя забота. Я думаю, что эта девочка фамилию не поменяла. А я не стал занимать должность меньше, чем была, даже наоборот. При встрече расскажу. Так что будь спокоен. Наберу!

– Постой. А может, не стоит?

– Ни хера себе! Нет, брат, мы с тобой оба из пехоты! И это чмо тоже. Так что он наши правила знает, напомним, как в пехоте надо отвечать за свои поступки. На связи, товарищ полковник!

После этого я позвонил Игорю. Сообщил ему, что хочу встретиться с Курдюмовым и поговорить.

Следующим вечером я по указанию Игоря выехал в Калининград. Лене сказал правду и оставил её в ресторане неподалёку от места встречи. Сам пошёл в отдел милиции.

Курдюмов сидел в какой-то комнате для допроса, один, в наручниках.

Узнал меня сразу. Обрадовался неподдельно. Поздоровался, что-то запричитал. Я смотрел на него в упор и слов не разбирал.

Руки, разумеется, не подал.

– Ну что, предатель? Рад меня видеть? Я тоже рад.

– Какой предатель? Юра. Это трындец! Помоги мне выйти отсюда! Помоги, брат! Ты откуда узнал, что я здесь? Ты мне на выручку приехал?

– Посмотрим. Пока что зашёл с тобой поговорить.

– Скажи, пусть наручники мне снимут.

– Я не по этой части, я не в милиции служу.

– А как ты здесь?

– Неважно.

– Юра, ты что? Мы же с тобой вместе служили! Помнишь?

– Хорошо помню. Ты мне ответь на один вопрос: почему ты нас с Игнатовичем предал?

– Я вас не предавал! Ты что?!

– Ладно. Ещё проще вопрос. Почему сбежал из полка на Украину, не сказав нам с Игнатовичем ничего?

– А должен был?

– Мы тогда считали тебя своим другом. А ты нас?

– Я тоже. Сейчас также считаю.

– Так почему же ты своих друзей не поставил в известность о том, что решил рвануть на Украину?

– А на хер мне этот Карабах? Совок рухнул. Советской армии нет. Зачем мне всё это?

– Я тебя не про политику спросил. Спросил про дружбу пехотную, офицерскую. Про то, почему ты сбежал и нам ничего не сказал, даже не попрощался.

– Тебе честно?

– Только.

– Ладно. Тогда слушай.

– Слушаю.

– Начнём с того, что сбежали оттуда все внутренние войска, так?

– Да, это правда. И мне на них плевать! Это не Вооружённые силы, это МВД.

– Ну ладно. Пусть формально так. Остался только наш пехотный полк, насквозь укомплектованный офицерами и прапорщиками армянами. Грамотно всё было подстроено. Так?

– Да. Согласен. Но помним, что наш пехотный полк, это мотострелковый полк. Это Армия, пехота. Дальше.

– Вы вообще не хотели ничего знать и слушать. У вас одна Россия была на уме. Даже стали нас не уважать за то, что мы хотели служить Украине. Так?

– Тоже правда. Ближе к делу.

– Короче, я посчитал, что если скажу вам, что мы хотим всё бросить и уехать на Украину, то вы попытаетесь сорвать это дело. Так?

– Не так. Вот эта точка. Вот где проявилось. Если бы ты

нам сказал всё честно, как друзьям, мы бы тебя не предали. Уже понятно было, что всему конец. Не стали бы тебе и твоим товарищам мешать.

– Я думал по-другому.

– Не верил нам, не верил нашей дружбе.

– Просто на этот счёт не верил. Вы такие были все за Россию вашу имперскую.

– Игнатович? Игнатович был только за Белоруссию! Но остался в полку до конца, до последней минуты. Знаешь почему? Потому что он настоящий русский офицер. А ты?

– Да. Пусть так. Я не русский. Я за Украину.

– Тогда ты так не считал. Не говорил, что ты не русский. Кстати, если помнишь, мы всегда считали, что русский офицер – это не про национальность, это про мировоззрение.

– Я смотрю, ты умный стал очень. Да, мне просто хотелось завязать с этим Совком и уехать с этого долбанного Кавказа. Ты, что ли, Кавказ любил? Тебе напомнить, как ты к нему тогда относился? Как ты Кавказ называл? Напомнить?

– Да причём здесь этот Кавказ? Я ещё о нём не думал! Я думал об армии, о нашем полку, о России – это правда, но ещё я верил в нашу дружбу. А ты в неё не верил.

– Что ты мне втираешь? Дружба! Книжек юношеских не читался и никак их высрать не можешь. Что ты несёшь?! Посмотри, что вокруг творится. Я вам в спину не стрелял, смылся и смылся. Слава богу, Совок рухнул! Ты в свою Россию любимую попал. Серёга – в свою Беларусь, я – в свою

Украину. Нормально. Что ты мне с этой дружбой? Ну вступились вы за меня, действительно могли пострадать. Но я вас не просил. Поступили хорошо – огромное вам спасибо. Что ты хочешь? Деньги надо рубить, жить надо! Все границы открыты! Живи – не хочу! А ты всё этим прошлым живёшь. Всё закончилось! Прошёл этот Кавказ – я даже этот мрак вспоминать не хочу. Нет никакой дружбы, нет никакого долга. Мне платят – я служу. Как платят, так и служу. А ты не так, что ли?

– Понятно. Мне тебе, нечего сказать. Бесполезно. Для тебя нет ни Родины, ни дружбы, ни чести. Я прав? Признайся.

– Прав! Будут нормально где-то платить – я там работать буду. Будет возможность уехать в нормальную страну – сразу уеду. Мне вообще на всё плевать.

– А как ты смог второй раз присягу принять Украине?

– Ха! Плевать! Пле-вать! Ты это серьёзно?! Для тебя это что-то значит? Я Союзу присягал, это было серьёзно! А тут? Плевать!

– Поговорили. Предатель ты и есть предатель. Нас предал и также свою Украину готов предать. Ну хоть сейчас честно. За это тебе спасибо. У меня камень с души упал. Прощай!

– Стой, Юра! Подожди! Помоги мне отсюда выбраться. Я тебе всю жизнь буду обязан.

– Обязан?

– Приезжай ко мне в Крым! Я тебя так встречу! Поговорим нормально, вспомним. Брось ты всю эту химеру!

– Правильно ты сказал: обязан, а не по дружбе типа. Ты мне, а я тебе. Всё правильно. Но в твоей системе координат, не в моей. Помогу тебе. Будешь должен. Твою мать...

Я остановился у выхода, обернулся, посмотрел на Курдюмова и вспомнил, как мы служили в некогда единой Советской армии, в боевом полку. Подумал о том, что было что-то у нас, таких разных, что накрепко объединяло, спланивало, заставляло делать смелые дела, совершать хорошие поступки.

Вышел. Отошёл от здания милиции. Набрал Игоря и... попросил его отпустить Курдюмова.

– Что так? – спросил Игорь.

– Злость и обида прошли. Просто улетучились. Ничего не осталось. Я увидел перед собой ничтожество. Вот такими я и представлял бывших советских офицеров, принявших военную присягу Украине. Им всё равно кому присягать. Надо будет, они и Израилю присягнут. И жалко мне его. Это одноклеточный. Для него жить – это жрать, спать и срать.

– Ладно. Сейчас отпустят. Ошиблись, типа не та ориентировка.

– Спасибо, Игорёк! С меня причитается.

– Ещё чего! Ты мне это брось! Новости по главному вопросу есть?

– Нет. Она молчит, и я разговор не завожу.

– Будь внимателен. Я на связи.

Позвонил Игнатовичу и попросил не трогать Курдюмова.

– Посмотрим. Я сначала с ним нормально поговорю. Может, ты и прав. Что с этого чмыря взять!

Через несколько дней позвонил Игнатович. Рассказал, что они нормально с ним поговорили, «посидели» – у него тоже злоба прошла. Растаяла перед утилитарной житухой Курдюмова, максимально удалённой от высоких материй.

Вот так всё и вышло. Годы лечат раны. И я даже пожалел, что поступил так с Курдюмовым. Подумал, что мне надо было тоже просто сесть с ним и поговорить, выпить.

Забегая сильно вперёд, скажу, что думал так вплоть до 2014 года...

В 2014 году, после присоединения Крыма и Севастополя к России, В. Путиным и С. Шойгу было принято решение о том, что все украинские военнослужащие, желающие продолжить военную службу в Российской армии, сохраняют воинские звания, полученные в Вооружённых силах Украины. Соответственно, после увольнения в запас эти люди будут получать российские военные пенсии согласно своим российским воинским званиям.

Ясно, что это решение чисто политическое.

Я знал, что таким образом Курдюмов стал полковником Вооружённых сил России (успел в своих этих ВСУ получить полковника), а в 2016 году стал военным пенсионером с российской военной пенсией – перед угрозой убыть для дальнейшего прохождения службы на Дальний Восток, а оттуда в командировку в Сирию. Как по мне, так опять предал. Сна-

чала, в 1992 году, предал наш полк и офицеров, в 2014-м – свою любимую Украину, а потом – Россию.

Ну что тут скажешь?!

ТЬфу! Мерзость.

Опять я не согласен с В. Путиным. Ничего с собой подделать не могу. Ну хоть тресни!

Логику политиков я очень хорошо понимал. Конечно, надо было всех приголубить, обнять и обогреть, не делать из них людей второго сорта, тем более изгоев. Понятно. И ещё много причин. Вот уж поистине матушка Россия – добрая душа.

Но и мою логику, а также таких, как я, понять нужно.

Во-первых, я отказывался видеть в рядах нашей армии людей, присягнувших СССР, потом Украине, а следом наплевавших на присягу Украине и с удовольствием перешедших на службу России, в третий раз приняв присягу. У этих людей была возможность не принять присягу Украине и приехать служить в Россию. Но они так в своё время не поступили. Как таких можно назвать? Более того, я уважал тех украинских офицеров-врагов, кто не изменил украинской военной присяге – это по-офицерски.

Во-вторых, я совершенно не соглашался с тем, чтобы эти люди сохранили воинские звания, которые у них были на Украине. Как они нам, в Российской армии, доставались?! Эх! Как хорошо прослужить почти всю жизнь в Крыму! А в Забайкалье не хотите? А на Северном или Тихоокеанском

флотах, особенно в 90-е годы? А на двух войнах в Чечне? А на войне с Грузией? А в 90-е и даже нулевые годы в Дагестане? То-то и оно! И таких приравняли ко мне, к моим братьям! Не соглашусь НИ-КОГ-ДА.

В-третьих, я лично знал советских офицеров, отказавшихся присягнуть Украине. Знал, что в России их никто особенно не ждал. Но люди пошли на тяжелейшие испытания и обрекли на это свои семьи. Выстояли. Некоторые сложили свою жизнь на войнах или стали инвалидами. А сейчас этот, к примеру, капитан-инвалид получает грошовую пенсию, а Курдюмов – полковничью пенсию, как будто он всю жизнь в России служил. Как этому инвалиду в глаза смотреть?!

Вот в чём суть моего несогласия. Несогласия с В. Путиным. Ничего не могу поделать, несмотря на то, что он сделал такое важное для Родины дело. Но вопрос, как сделаны кое-какие «мелочи», имел значение. Ещё какое!

Лена всячески меня поддерживала. Говорила просто вычеркнуть этого Курдюмова из памяти. В тот вечер мы с ней хорошенько выпили и со всех сторон обсудили мою встречу с Курдюмовым.

Наконец, наступил вечер, когда мы решили с ней поговорить. Это был летний безветренный и безоблачный жаркий вечер – последний жаркий день в этом году. Завтра уже ждали дожди.

– Юра, так что там с твоим увольнением?

Я был полностью готов к этому разговору и к такому во-

просу.

– Приеду и напишу рапорт на увольнение.

– Ого! Что вот так просто возьмёшь и напишешь?

– Не просто. Но надо решаться. Я все эти месяцы об этом думал. Тяжело решиться. Но когда-то надо. И ещё я хочу, чтобы ты знала: это только ради тебя! Ты меня упрекала в том, что я никогда не говорю красивых слов. Да, это так. Не моё. Но доказательством моей искренности являются дела. Вот тебе конкретный пример.

Лена очень внимательно посмотрела мне прямо в глаза.

– И всё-таки тебя что-то смущает.

– Давай не будем это ворошить. Стоит только начать, как я опять начну сомневаться, а там и до беды недалеко – останусь в армии.

Лена расхохоталась, но мне показалось, что была в её смехе ели заметная фальшь.

– Отлично! Когда тебя ждать?

– Не знаю. Уволюсь к ноябрю. Это вполне реальный срок. Дальше эпопея с загранпаспортом. Поскольку я имел доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, то по закону, как я выяснил, оформление может занять до трёх месяцев. Далее – что там полагается при получении британской визы. Так что к весне, если никто меня на этапе согласования в выдаче загранпаспорта не зарубит.

– Ужас! А что тебя держать? Можно подумать ты какие-то великие тайны знал!

– Ты права. Что я знал? Фигня. Никому это не интересно, да и без меня это всё кому надо знают.

Лена опять посмотрела на меня внимательно, как бы пытаясь выяснить степень моей честности.

– У вас там делятся все эти уровни осведомлённости на цвета? У тебя какой цвет был?

Тут уже я посмотрел на Лену очень внимательным взглядом, видел, что и она его перехватила.

Это что же за игра в гляделки такая? Стоп! Терпи. Играем дальше. Мне нужна полная ясность.

Какие цвета? Что она там сочиняет? Хочет показать, что не понимает, какие у нас уровни допуска к гостайне? А может, действительно не знает? Не разберёшься пока.

– Не это главное. Неважно, какого уровня допуск. Можно иметь допуск самой высокой степени, но не иметь реального ознакомления с тем, к чему есть допуск, или иметь ознакомление со сведениями более низкого уровня. Тут будут смотреть, с чем ты фактически ознакомился, к чему фактически прикоснулся и актуальность в данный момент.

– Поняла. И что у тебя должно получиться?

– Ну, если я буду представлять интерес для спецслужб разных государств, не только для британских, меня не выпустят из России.

– Как? И долго тебя держать смогут?

– Пять лет. Дальше посмотрят, остаются ли сведения, с которыми я знаком, актуальными, и примут решение.

– Так могут и всю жизнь тебя здесь держать.

– Могут. Однако я тебе сказал, что вряд ли будут. Я в этом Генштабе никому не нужный клерк. Так что надеюсь, всё будет нормально.

– Подожди. Может так получится, что ты из армии уйдёшь, а за границу тебя не выпустят. Так получается?

– Да. Есть такой вариант.

– И что мы будем делать в этом случае?

– Ты будешь ко мне приезжать. Будем по России ездить. Лена задумалась. Молчание затянулось.

– Мрак!

– Как есть.

– Я не хочу по России. Я хочу по всему миру.

– Понимаю. Но правду ты знаешь.

– Так что делать будем? Я этого не понимала.

– Пойду на риск.

– Юра! Если тебя не выпустят, я не буду к тебе постоянно ездить. Ты должен это понимать.

– Почему?

– Потому что я не хочу жить в России. Я не хочу, чтобы мы жили на две страны. Так у нас ничего не получится. Я хочу, чтобы мы каждый день ужинали вместе, гуляли, разговаривали, обсуждали книги и фильмы. Понимаешь?

– Я тоже этого хочу.

– Но может же так получится, что ты уволишься из армии, останешься в России, а значит, у меня будет своя жизнь,

а у тебя – своя.

– Ты сможешь дальше жить без меня? – с чувством произнёс я.

– Не тяни жилы!

– Ответь, – сказал я максимально твёрдо.

– Смогу! А ты что, без меня не сможешь?

– Смогу, – я тяжело вздохнул.

Молчали несколько минут.

– Смогу. Но не хочу! – вдруг эмоционально произнесла Лена.

– И я не хочу!

Мы взялись за руки и смотрели друг другу в глаза.

– А давай возьмём ещё бутылку вина! – прервал я молчание, вспомнив совет Игоря.

– Давай! Только я сама выберу.

Лена заказала официанту бутылку красного французского вина стоимостью около трёхсот долларов.

Наконец, после всей этой суеты мы опять остались наедине.

– Понимаешь, я не хочу потом остаться виноватой. Чтобы так получилось, что ты остался без меня и любимой службы.

– Что ты предлагаешь?

– А ты можешь выяснить заранее, дадут ли тебе загранпаспорт?

– Вряд ли. Но попробовать узнать могу. Опять же, это будет неточно и окончательно выяснится только на этапе его

оформления, – сказал я, прекрасно понимая, что в этом вопросе даже на помощь Игоря рассчитывать не стоит.

– Юра, решай сам. Но ты должен понимать, что жить в России я не буду и приезжать к тебе чаще одного раза в год тоже не выйдет.

– На второй круг уходим. Получается, что если я останусь в армии, то мы тоже не сможем жить вместе. Что остаётся? Пойти на риск. Уволиться и попробовать уехать. Это единственный вариант.

– Но, если не получится, я буду чувствовать себя виноватой.

– Это тяжелее, чем разлука со мной уже на всю оставшуюся жизнь? – спросил я, твёрдо смотря в глаза Лены.

– Нет.

– Тогда в чём вопрос?

– Ты принял решение?

– Да. Я увольняюсь, и мы живём вместе. Если не выпустят, тоже живём вместе. Обоюдный риск. Это будет по-честному.

– Спасибо, любимый! – Лена встала и подошла ко мне. Мы обнялись. А я промолчал.

Ну вот, всё нормально. Игорь нагнал жути. Если она агент британской разведки, то какой ко мне может быть интерес, если я останусь вне армии? Чушь.

Утром, на завтрак, Лена аккуратно меня спросила:

– А если у меня не получится перенастроить клинику, и мы не сможем путешествовать столько, сколько хотим?

– То есть как это?

– Может не получится. Это очень капризный бизнес, часто привязанный к моей личности.

– Это меняет дело. Жить постоянно в Лондоне мне не хочется. Совсем. Но ради тебя... Ради нас я готов!

– Понимаю. Мне приятно это слышать.

– Подожди. Когда ты сможешь это всё понять?

Лена тяжело вздохнула.

– Я уже это понимаю. Мне и сейчас постоянно пишут пациенты, знакомые, знакомые моих знакомых. Все хотят попасть именно ко мне. Спрашивают, когда я вернусь. Хороший эндокринолог – даже в Англии дефицит.

– Вот это поворот!

– Да. Я как-то только вчера начала это понимать. Всё это не шутки. Чёрт! Я запуталась.

– Ещё раз. Ты сможешь ко мне в Москву приезжать? И как часто?

– Смогу. Если все эти визы ваши российские жизнь совсем не отравят. Раз в три месяца смогу на недельку. Да ещё эти перелёты...

– Ты быстро выдохнешься.

– Да. Ты прав. Но что делать?

– Не знаю.

– Знаешь, Юра, давай мы не будем строить никаких планов. Будем просто жить своей жизнью. А там жизнь сама подскажет.

– Я тебя не понимаю.

Лена откинулась на спинку стула и произнесла:

– Не нужно тебе увольняться, не нужно уезжать из России.

Я едва взял себя в руки.

– Почему?

– Ты сам обо всём догадался или тебе твои товарищи подсказали? – взгляд Лены стал жёстким и циничным.

– Подсказали.

– Ясно. Я так и думала. Скажи, ты во всём мне врал?

– Я тебе ни одного слова не соврал! Ни одного!

– Сейчас я должна почувствовать себя последней дрянью. Да?

– Это ты сама реши.

– Я тебя по-прежнему люблю. Поэтому только что совершила по отношению к тебе порядочный и безрассудный поступок.

– Никому не скажу о нашем разговоре. За это тебе отдельное спасибо. А вот в отношении чувств ко мне ты можешь сказать правду?

– Всё правда. Всё искренне. За исключением того, чтобы ты переезжал в Лондон и мы постоянно жили в одном доме. Понимаешь?

– Понимаю.

– Если бы ты жил в одном со мной городе, и мы бы встречались каждый день. Но у каждого свой дом. Ездили бы совместно в путешествия – это обязательно и самое главное.

Вполне достаточно.

– Интересно.

– Ты тоже так думал?

– Нет. Думал, что надо всё-таки начинать жить нормальной семьёй.

– Нормальной?

– Нормальной.

– Нормальная семья – это когда дети. А так всё это фигня.

А ты меня спросил насчёт детей?

– Я считал, что это со временем, само собой разумеется.

Вопрос всё-таки очень деликатный, и тут не стоит спешить.

– Ха! А сколько мне лет – не подумал?

– Ну я думал, что это ещё приемлемо.

– Эх. Ничего ты не понимаешь. Кроме того, у меня детей вообще быть не может. Ошибка молодости. Я не хотела от своего мужа, нытика и балабола, иметь второго ребёнка.

– Понятно. Можно и без подробностей.

– А ты заведи себе семью – мой тебе совет от всей души. Дети. Обязательно у тебя должны быть дети. Это обязательно. Я знаю тебя. Понимаю, что ты не хочешь эту семейную возню. Потерпи. Потом меня добрым словом вспомнишь ещё.

– Как же у нас с тобой так вышло, Лена?

– Ошибок много. У меня. Не у тебя. Ничего просто так не проходит. Ничего! За всё платишь.

– И всё-таки больно. А недавно, до встречи с тобой, я ду-

мал, что в моём случае это уже невозможно. Думал, что ни одна женщина в мире не способна сделать мне больно.

– Юра, общаться будем?

– Не знаю теперь. Может, иногда.

– Тебе это не повредит?

– Должно повредить в любом случае. Правда, я на два года ухожу учиться в Военную академию Генерального штаба.

– Не поняла.

– Меня должны взять в эту академию.

– Когда?

– Приеду из отпуска и должен получить предписание.

– А что твой Генштаб?

– Закончился. Сейчас впереди два года учёбы.

Лена буквально взвилась, но быстро взяла себя в руки и успокоилась.

– А что после академии? – с недоумением на лице спросила она.

– Не знаю.

– То есть ты можешь уехать из Москвы?

– Скорее всего, так и будет. Поеду командовать дивизией на окраину Российской империи, – переведя разговор в шуточный тон, сказал я. Говорить ей о планах продолжения службы в Генштабе я не стал.

– Зачем тебе всё это?

– Есть такая профессия – Родину защищать от нападения иностранцев.

– Иностранцев. А если скажут митинги протеста разгонять?

– Тут всё просто. Однозначно и безоговорочно – штык в землю. Это не моя профессия. Каждый занимается только своим делом. Я не полицейский и никогда им не стану.

– Знала, что ты так скажешь. За это тебя сильно уважаю. И ещё я хотела тебе сказать кое-что.

– Говори.

– Знаешь, тебе надо уже научиться обходиться с женщинами. Быть немножко хитрее и мягче. Запомни, они очень мстительны, если их обидеть. Я не видела, как ты с другими женщинами, но знаю тебя.

Простились.

Я забрал у родителей дочку, и мы полетели в Москву: ей давно пора за парту.

А сам только и думал на тему предательства. Курдюмов предатель. А Лена?

Сейчас много говорится о патриотизме как об основе мировоззрения для будущих офицеров. Пожалуй, это самое главное. А порядочность? Может быть патриотом человек непорядочный? На мой взгляд, вряд ли. Как понять: патриот или предатель? Патриотизм. Как я его понимаю? Это качество будущего курсанта военного вуза должно перевешивать любые соблазны. Все пороки должны быть выявлены и вовремя оценены. Какие пороки считаются неприемлемыми для офицера? Эгоизм – это порок? Где этот прием-

лемый баланс между эгоизмом и карьеризмом, например? Не дают ответа на эти сложные вопросы и многочисленные психологические теории. Это я понял из разговора с одним полковником, который отвечает за организацию профессионально-психологического отбора, из управления военного образования министерства.

В то время, когда мы с Курдюмовым учились в военном училище (80-е годы), как и сейчас, считалось, что главное в абитуриенте при поступлении в военное училище – анкета. Если анкета проходит, тогда соревнование по предметам на вступительных экзаменах. Но тут тоже как было? По математике, физике если отлично – плевать на это сочинение, по большому счёту. Даже на физподготовку смотрели сквозь пальцы. Ничего! Научим. Голова работает нормально – это главное, а ноги-руки за 4-5 лет натренируем. Логика понятна. В послевоенные годы к анкете ещё прибавлялись управляемость и строгое подчинение. То есть не делалась оценка инициативности, возможности нестандартно мыслить, критически оценивать всё, что тебя окружает. Вот ещё! Дескать, зачем это пресловутому строевику?! В результате от будущих армейских офицеров отсекались очень талантливые люди, которые были склонны к самостоятельности в принятии решений и нестандартности мышления. А как же это нужно на войне! Хочешь побеждать – без этих качеств никак. Однако в 70-80-е годы кое-что изменилось. Всё-таки такие качества, как инициативность и нестандартность мышления,

оценивались, но уже в ходе обучения по военным дисциплинам. Склонность к самостоятельности и нестандартности не должна, разумеется, переходить в авантюризм и самоуправство. Но тут на стражу становятся образованность, наука, знания. Хотя грань между всеми этими психологическими критериями в командирских качествах так до сих пор и не найдена. Главное управление кадров не заказало на эти темы ни одной НИР. А вот это самое сочинение – абсолютно бесполезный экзамен. Так стало давно и по факту. Не знаю, с каких пор так повелось. Вот если бы был устный экзамен по русской литературе. Достал абитуриент билет, видит: «Сотников» В. Быкова. Читали? Так точно. Рассказывайте содержание – тут же, не отходя от комиссии. А теперь дайте оценку этому персонажу, как сами думаете и считаете. Интересно послушать, как будущий офицер оценит. В каком месте, по его мнению, замысел стал авантюрой, где был этот рубеж между выполнением задачи и предательством. Много у нас в русской литературе таких произведений, где можно было бы узнать настоящее мировоззрение человека, где он оценивал бы действия и поступки. Ну хоть что-то. А что с Курдюмовым? Тут понятно всё. Анкета: мать после окончания ПТУ всю жизнь пашет на заводе, вечернее обучение в вузе, потом технолог. Отец – забулдыга, допившийся до своей быстрой смерти. Прекрасная анкета! На экзаменах: математика – хорошо, физика – хорошо, физподготовка – удовлетворительно, медкомиссия – отлично, сочинение – «поставили удовле-

творительно». Зачислить! А почему он на самом деле в военное училище пошёл? У лейтенанта получка была – 250 рублей в месяц, у инженера на заводе – 120 рублей. Плюс к этому вероятность попасть служить за границу. Тем более у выпускника советского ВОКУ она возрастает почти до 90%, а там и ещё раз можно – в ходе дальнейшего прохождения службы. Войск в Центральной и Восточной Европе была уйма. Опять же, двойной оклад, второй уже в местной валюте. Отлично! В училище дисциплинирован, исполнитель. По всем предметам успевал в основном на удовлетворительно. Но вот неувязка вышла. Всё пошло не так, и оказался он в Карабахе, и войска из групп выводят. А внутри-то ничего нет. Пустота! Потому что никто не захотел знать, что пошёл он в военное училище вовсе не по призванию. Захотели бы – докопались рано или поздно. Но анкета безупречная и по алгебре с физикой – хорошо. И в итоге получается, что плевать этому Курдюмову на всех и всё, кроме своей шкуры, – прямая дорога к предательству. Однако я до самого последнего момента не замечал за ним ничего такого. Почему? Всё просто. Никогда мы с ним не разговаривали на высокие материи. Он вообще этих разговоров сторонился. А если и слышал, то высказывался примерно так: «Что тут пи...ь, и так всё понятно», ну и в таком духе, в духе большинства наших сослуживцев. Тоже понятно. Сама наша служба в пехоте не располагает к таким разговорам, всё внутри себя самого. Это надо выявлять ещё до зачисления в училище или в ходе обу-

чения. Курдюмов если что-то из литературы и читал, то какой-нибудь детектив, хотя тогда в нашей роте была масса литературных «толстых» журналов (это особенность конца 80-х, когда был бум чтения всего того, что там публиковалось, но ранее было запрещено). Мы с Новиковым, Игнатовичем, Игорем обменивались мнением о прочитанном, иногда даже какие-то моменты за рюмочкой-другой обсуждали. Курдюмов в этом не участвовал. Ну что с ним – детектив обсуждать, что ли? Поэтому мы его так и не узнали толком. Не поняли его предательское, шкурное нутро. Хотя... Игорь плохо к нему относился. Кое-что мне говорил. Но в предательстве не подозревал. Говорил, что пьёт, «забивает» частенько, когда командиры не видят. Но тогда мне это казалось чем-то другим. Сейчас уже так не думаю. А сам я вообще считал, что он хороший командир, и знал, что он не трус. И что получается? По всем тогдашним критериям всё у него было хорошо. Дело знает. Да куда он денется! Общевоинской командир! Пехота! Строевик! За партию! За комсомол! Спроси его – сразу на все вопросы правильно ответит. Скажет: «Партия! Комсомол!» Скорее про меня скажут: «Вот копается во всём, размышляет тут о разном, всё критикует – не иначе предатель». А выходит-то всё наоборот. Вот как получается. А сейчас ещё этот ЕГЭ – совершенно бездушный...

Логика тех, кто застрял на партсобраниях в 85-м году, известна: что там копать? Но современной армии нужен совсем другой подход. Совсем! В этом направлении конь не

валялся. Как воевать-то будем?! Вот в чём вопрос. Как это новое поколение себя поведёт? Я не знаю. Они действительно уже немного другие, и что у них в голове — я не понимаю. Пока что подход старый. Да что тут думать! Словооблудие разводим. Дали команду — пошёл выполнять! Как-то так.

А что Лена? Лена не предатель. Она не предала меня. Напротив, нашла в себе силы всё-таки и отвела меня. Даже в ущерб своей нынешней службе или работе, точно не знаю. В последний момент резко руль крутанула. Как бы её не перевернуло.

Я действительно считаю, что если человек предал друга, то он предаст и Родину. С Родиной у них ещё проще. И мне кажется, что Лена ни за что не предаст Великобританию и Литву, а Курдюмов легко предаст кого угодно и когда угодно. Хотя... Ну Лена же русская. Русская! Я же знаю её. Неужели в её сердце не осталось места для России?

Глава 2

Москва, Кремль, Георгиевский зал. Июнь 2010 года

Ежегодный приём Президентом России выпускников высших военных учебных заведений, которые окончили их с отличием.

Я среди приглашённых, как окончивший Военную академию Генерального штаба с отличием. Часто наши журналисты и пропагандисты говорят о том или ином учебном заведении, что этот вуз является элитарным. В результате этого народ не воспринимает это слово, даже когда так говорят по делу. Не хочу принижать другие учебные заведения, но считаю Военную академию Генерального штаба единственным элитарным вузом наших Вооружённых сил, возможно, это лучший управленческий вуз страны. Не хочу обижать МИФИ, «Бауманку», МФТИ, СПбГУ, бывший УПИ и другие учреждения, которые очень сильно уважаю. О разных академиях госуправления и факультетах госуправления гражданских вузов я промолчу. Почему у меня такое мнение? Не только потому, что там учатся полковники и генералы. В основе обучения этой академии совсем другой подход. Методики просто уникальные. Вот где приучают думать в масштабе государства по-настоящему, но на научной основе. Там, когда касаешься вопроса, уже думаешь в масштабе ОАО «РЖД» или всего, что находится в территориальных водах

России на данный момент. Например, на зачёте тебе могут запросто задать вопрос о том, хватит ли для твоего замысла или решения кораблей, гражданских судов, подвижного состава РЖД, ресурсов предприятий химпрома, генетического материала для сельхозпроизводства, мощности казённых предприятий по производству разных боеприпасов, мощности артиллерийских бригад резерва Генштаба и их огневой мощи, при этом потребуют доказать это расчётами со всеми судами военно-вспомогательного флота и госпитальными судами. Или будешь обосновывать свои расчёты по подвозу боеприпасов с арсеналов, которые находятся где-то в медвежьем углу. Там не скажешь, что для этого есть специально обученные люди, окончившие академию тыла и транспорта, или военную кафедру Сеченовки, или военно-медицинскую академию. Не скажешь, что охрана тыла – это задача МВД или ФСБ и надо их спрашивать. Не скажешь: надо быть «экономистом, «юристом», или военным начмедом. Ставь конкретную задачу! Но каждое слово требовало расчётов и доказательств. Необоснованная задача или «пусть там сами разбираются эти умники из гражданских ведомств» – это смерть, поражение и позор. То есть читать, читать, читать. Учиться и учиться. И не смей думать, что мы тут, военные, самые умные! Во всём критичный и прагматичный взгляд. В этой академии запросто можно встретить генерала или адмирала, пересдающего «неуд». Да ещё не с первого и не со второго раза. Смешно, действительно, но это да-

леко не единичные случаи. В этой академии результаты текущей успеваемости видит не кто-то там, а целый НГШ. На «военной игре» получаешь такое, что выходишь, забыв, что происходит в реальной жизни. Если ты взял в расчёт не свежую статистику АО «Химпром» (г. Волгоград), ныне умершего, а данные советского времени, будешь изгнан с зачёта с позором и последующим докладом НГШ! И учишь, учишь, учишь. Зубрить что-то бесполезно, во всём надо понять «как это работает», врубиться – и тогда дело пойдёт. Всё та же технология моего любимого Омского ВОКУ. Правда, в академии созданы все условия, включая отличные квартиры в Москве, рядом с самой академией, для тех, кто в этом нуждается. Отличные квартиры! И без всяких забот – позвонил и решил все протечки и прочую муру!

И сам подход там ко всему очень объективный. Ко всему! Смело и объективно оцениваешь боевые возможности вооружения и военной техники. Без всякой оглядки! Никто тебя не назовёт предателем: наоборот, не докопался до каких-то тонкостей и слабых мест – неуд. Учитываешь все наши недостатки, смело о них говоришь, но не для того, чтобы «очернить», а для того, чтобы обосновать свои решения, чтобы победить. Полнейший реализм. Никакой вкусовщины или политики. Где ещё можно увидеть висящие рядом портреты бывших Верховных главнокомандующих, таких как Николай II и Джугашвили? Я обоих презираю, но они действительно занимали эти должности – просто факт и

никаких оценок. Точка. И так во всём. Мне это очень нравилось. Так и должно быть. Я с огромным удовольствием полностью ушёл в учёбу. Ещё бы! Для меня это было не просто интересно, не просто захватывающе и увлекательно – я этим жил и размышлял над полученными знаниями постоянно. Переосмысливал полученные знания и задавал сам себе новые и новые вопросы, на которые получал ответы при дальнейшем обучении. Так и должно быть, когда занимаешься любимым делом.

Выходишь после лекций и в голове прокручиваешь услышанное. То есть само название лекции я делал большим вопросом и потом на него отвечал. Известный мой ещё со школы отцовский приёмчик.

Столы для фуршета. Стулья не предусмотрены. Холодные закуски. Нормальный выбор алкогольных напитков. Здесь-то уж точно никто не нажрётся. Знаем, что горячее будет гораздо позже.

Я во второй раз на таком приёме. Первый раз был на нём в 1999 году, после окончания с отличием Общевойсковой академии. Впрочем, столы выпускников этой академии с нами по соседству. С другой стороны, наши соседи – выпускники Военно-морской академии, далее лётчики, потом ракетчики. Они, конечно, знают, что все мы пусть и в разных воинских званиях, но уже станем генералами – это точно.

Много знакомых. Всё-таки за время службы много с кем сталкиваешься. Надо пожать руку и хоть пару слов сказать.

Всё шло по плану. Президент произнёс какие-то слова, обычные, «дежурные» на таком мероприятии. Я не вслушивался. Вспоминал, как сразу после этого торжественного мероприятия, в 1999 году, я отгулял отпуск и прибыл в мотострелковый полк. Теперь уже не имеет значения вид вооружённых сил: мы элита! Ну вот такие мысли. Как есть. Но меня захлестнули тяжелейшие воспоминания. Эмоции. Да. Знаю, что их не должно быть в моём нынешнем положении. Но они есть. Забрали полностью и бесповоротно. Знаю, что это детский лепет. Вспомнил. После того торжественного мероприятия было всё так, как было. Была вторая чеченская война. Была! Была! Была! Ещё как была! И вы хотите её забыть! Я не забуду – никогда! Нахлынули горькие и тяжёлые воспоминания. Вспоминал своих бойцов, прапорщиков, офицеров. Это очень тяжёлые мысли.

Президент подошёл к столу нашей академии. Поздравление и наш ответ: троекратным «Ура!».

Мельком взглянул на Президента. Вдруг он перехватил мой взгляд, который я не стал отводить. Он осмотрел меня, немного качнул головой и двинулся ближе к столу. Я также направился к выходу из-за стола. Президент, сделав шаг или два, остановился у края стола и ждал, когда я выберусь из-за стола.

– Товарищ Верховный главнокомандующий, слушатель Военной академии Генерального штаба, полковник Тимофеев.

Президент протянул мне ладонь, и мы пожали друг другу руки.

– Я вижу, что вы очень заслуженный офицер», – произнёс он, кивком указывая на мои государственные боевые награды (ведомственные и всякие юбилейные я по-прежнему не носил). Впрочем, их не так много, но тот, кто в курсе – тот понимал всё.

– Родина не забывает. Спасибо.

– Куда вас распределили после академии, товарищ полковник?

– По предварительным данным, в Главное оперативное управление Генерального штаба.

– А окончательно куда? – немного ухмыляясь, спросил Президент.

– Завтра узнаю, когда получу предписание в соответствии с вашим решением.

– Полковник Тимофеев продолжит службу в Главном оперативном управлении Генерального штаба. Я с ним беседовал недавно, да и знаю его давно. Во время обучения он показал отличную успеваемость. Вами уже подписан указ о его назначении. Завтра он будет доведён, – включился в разговор начальник Генштаба.

Президент едва заметно одобрительно качнул головой.

– Где воевали, товарищ полковник? – задал он вопрос.

– Начал в 1988-м в мотострелковом полку прикрытия государственной границы на территории Нагорно-Карабах-

ской автономной области Азербайджанской ССР. Потом обе чеченских кампании. Войну с Грузией прошёл в Генштабе.

– Азербайджанской... Ну да... Азербайджанской, – задумчиво повторил Президент.

Воцарилась тишина.

– Долго в Карабахе пришлось служить?

– Почти четыре года. Два срока практически. Полк вывели уже после развала Союза, в 1992-м.

– А может, вас лучше направить на Кавказ? Вы ведь наверняка хорошо его изучили. Надо подумать, – произнёс Президент и посмотрел на НГШ с министром обороны.

У меня сердце замерло. Но моё мнение никого не интересовало.

Президент пошёл дальше.

Чёрт! Чёрт! За что?! Сколько можно!

Министр (всё тот же гражданский министр) подошёл ко мне, пожал крепко руку и сказал:

– Ничего-ничего! Не переживайте, товарищ полковник. Потом ему объясним.

Следом подошёл НГШ, тоже пожал руку.

– Нормально всё будет. Я с ним переговорю. Ни хера не понимает. Хотя я и сам думал назначить вас заместителем командующего 58-й общевойсковой армией. А что? Генеральская должность, боевая предельно!

Не стесняясь, я посмотрел НГШ прямо в глаза:

– Надо бы уже и новым офицерам Кавказ изучать как сле-

дует. Прошу прощения, товарищ генерал армии.

– Ну тоже верно. Поэтому вас и предложил назначить в Генштаб. Решим, – произнёс НГШ и стремительно направился к Президенту.

Тут же ко мне подходит очень солидный человек в гражданском костюме.

– Прошу прощения, товарищ полковник. Ещё раз, пожалуйста, назовите свою фамилию и имя-отчество.

Я назвал. Гражданский записал, поблагодарил, вскользь оценил мой орденский «иконостас» и в мгновение ока догнал свиту Президента.

На следующий день я узнал, что всех назначили, а мне указ Президента не довели. Сказали ждать, после отпуска прибыть за предписанием в Главное управление кадров.

Теперь покажется за счастье назначение в Восточную Сибирь или на Дальний Восток. А тут ещё мне сказали, что резко, стремительно освободилась генеральская должность на Тихоокеанском флоте. Чёрт! Только бы не Кавказ! ТОФ со штабом флота во Владивостоке – это просто счастье при таких делах. А в том, что при попадании на ТОФ я буду служить именно во Владивостоке, сомнений не было: это единственная неадмиральская должность в командовании флота, не считая командующего ВВС флота.

С Леной мы прекратили общаться сразу, как расстались. Но после отпуска в 2008 году меня начала тревожить своим вниманием та самая советница министра, которая всё-

таки возглавила один из департаментов министерства, правда, не тот, что планировала изначально. Достала мой номер сотового телефона и позвонила.

Пришлось с ней пару раз поужинать в ресторане.

Первое время я отшучивался, а потом прямо ей сказал, что даже не собираюсь ни с кем создавать семью. Объяснил своё мнение. Думал, что обидится. Ничего подобного! Это очень циничный человек. Всё равно предложила поехать ко мне (!) домой. Я и тут устоял, несмотря на изрядное подпитие.

Увернулся, короче говоря, из всех сил следовал совету Лены и старался не обидеть. Хотя иногда она мне потом звонила.

С другой стороны, оказавшись опять один, я волей-неволей стал задумываться о том, с кем бы мне нормально общаться.

Как-то, ещё перед учениями «Кавказ-2008», на одном из совещаний я познакомился с очень красивой чиновницей в возрасте чуть более 30 лет из гражданского министерства. Интересная во всех отношениях женщина. Я знал только то, что она заместитель начальника департамента. Больше ничего. Однако кольцо она носила как разведённая женщина. Ещё тогда у меня возник к ней интерес. Видел, что и она меня внимательно изучала. Но тогда все мои мысли были только о Лене и... частично о Лере.

С Лерой я тоже связь не терял. Меня всё устраивало.

Как найти эту чиновницу по имени Дарья? Как к ней подступиться?

Где-то в декабре 2008 года я высказал всё Игорю.

– Проблему нашёл!

– В смысле?

– Что тут думать?

– Умный! А я вот не могу додуматься.

– Найми частного детектива и выясни, где она бывает. Далее дело техники. Ой! Здравствуйте! Приглашаю вас поужинать. Дальше рассказывать или сам додумаешься? – смеялся надо мной Игорь.

– А без детектива можешь?

– Нет, не могу. У нас в связи с этим надо бумаги кое-какие оформлять. Тоже не всё так просто. И контроль усиливается. Но я могу дать тебе телефон одного детектива, в недавнем прошлом очень хорошего милицейского опера. Дорого, но надёжно. Берёт немало, но дело делает отлично.

С Дарьей всё закрутилось молниеносно.

В январе 2009-го мы создали семью. Расписались.

В декабре того же года у нас родился сын.

Сейчас я забираю дочь, и мы все вместе едем на мою любимую Балтику. Родители уже ждут.

В конце августа, беззаботно отгуляв отпуск, прибыл и получил предписание.

Ура! Я назначен в ГОУ. Заместителем начальника одного из управлений. Правда, не того, в которое меня уже было на-

значили указом Президента. Тот указ отменили и назначили новым.

Понятно. Возвращаюсь в своё бывшее управление. Буду заниматься Малой Азией (Турция), частично Южным Кавказом и Ближним Востоком. Жаль. Хотелось заняться европейскими армиями, да Украиной той же, куда же теперь без неё. Но был и бонус. В управлении продолжали служить Морозов и многие офицеры, которых я хорошо знал.

Пока я был в академии, многое изменилось. Все изменения не в лучшую сторону. Прежде всего, прошло очень большое сокращение ГОУ, что неминуемо привело к снижению качества отрабатываемых вопросов. Для масштаба решаемых задач (весь мир) 150 офицеров и генералов очень мало. В ГОУ времён Генштаба ВС СССР было около 700 человек, а два года назад – чуть более четырёхсот. И вот сто пятьдесят... Теперь в управлениях меньше 30 человек. В направлениях по 8-9 человек – и это всё! То есть на весь масштаб задач по нашему управлению три направления плюс начальник и я, его заместитель. При этом количество задач и документов оставалось прежним. Поэтому, несмотря на свою нынешнюю должность, многие документы я отрабатывал лично, просто как так называемый «исполнитель». Даже начальник управления вынужден был кое-что отрабатывать сам. Такая тогда сложилась ситуация, прямо скажем, совсем вредная.

Кроме того, началась ротация (по терминологии мини-

стра), замена (по терминологии Генштаба).

Вообще, это нормально и даже правильно. Везде, но не в Генштабе, тем более в ГОУ. Тут, чтобы по-настоящему офицеру принять должность, т. е. вникнуть, нужно не менее полугода. В Генштабе тем ценнее офицер, чем дольше он служит на одном месте. Везде текучка кадров имеет свои минусы, но в ГОУ особенно.

Начал знакомиться с новыми офицерами (их немного), вникать. По заведённой, так и не сломленной традиции уходил после 23:00. В восемь утра был на службе. В субботу приезжал к девяти утра и уезжал в начале шестого вечера. После такого сокращения – это абсолютная необходимость, едва успеваем. Но до того качества, которое было два года назад, далеко. Очень далеко. Время летело невероятно быстро. Было интересно, но тяжело. Для меня вообще всё это было захватывающим. Не всем знакомо то чувство, когда с большим сожалением приходишь к выводу, что рабочий день уже пролетел и надо идти домой. При этом с нетерпением ждёшь следующий день. Но кому это знакомо, тот поймёт.

Позже начались бесконечные кадровые перестановки в Генштабе в целом и в ГОУ в частности.

Но всё-таки с главным мы нормально справлялись. Однако явно ощущалось невнимание к нашей тематике. Было понятно, что руководство страны упускало очень многое из того, что мы отработывали. Обратная связь напрочь отсут-

ствовала. Всё было непонятно. Тут одно из трёх. Или НГШ совершенно не слышит Президент, или там министр либо НГШ в итоге что-то не то докладывает?

А время для такого расслабона было совсем неподходящим.

В 2009 году сирийское правительство после длительных переговоров отвергло проект строительства газопровода для поставок природного газа, который должен был начинаться в гигантском нефтегазовом месторождении в территориальных водах Катара и Ирана и проходить через Сирию и Турцию. Сразу после этого бывший министр иностранных дел Франции Дюма заявил, что Башар Асад отказался предоставлять свою территорию для проведения газопровода, якобы для того чтобы «защитить интересы России, союзника Сирии, которая является ключевым поставщиком газа в Европу».

Наше ГРУ, которое тоже, как и весь Генштаб, лихорадило не на шутку (сокращено сильно, полная и неоднократная смена командования), принялось примерно с весны 2010 года поставлять нам информацию о том, что британское правительство начало подготовку к свержению Башара Асада. То есть к моему приходу в ГОУ информация уже была. Нам было ясно, что задачи по свержению Асада они поставили раньше, но наша разведка вскрывала их планы с некоторой задержкой, что вполне естественно при таком бездумном сокращении и неоднократной смене командования ГРУ. Тем

не менее именно тогда ГОУ начало прямо высказывать недовольство своими коллегами из ГРУ. Да, и раньше такое бывало иногда. Разумеется, ГОУ всегда хочется от ГРУ больше и быстрее всего и вся. Но чтобы наши претензии звучали так явно, настойчиво, неделикатно и, самое главное, абсолютно неоспоримо – такого ранее не было. Всегда старались очень аккуратно относиться друг к другу, ведь ГОУ и ГРУ не могут существовать друг без друга. Это два очень тесно связанных между собой органа военного управления Генштаба – главных органа, при всём уважении к Главному организационно-мобилизационному управлению Генштаба и к иным.

Забегая очень сильно вперёд, скажу, что руководитель нашей страны осознает в дальнейшем ошибки Д. Медведева в отношении Генштаба, сделает это перед нами публично на одном очень секретном совещании, но никого не накажет... Хотя тот удар который был нанесен по Генштабу в целом и по ГРУ, отдельно и сильнее – это удар с последствиями на добрых два десятка лет, не меньше.

Больше всего нас беспокоила подрывная деятельность в сирийской армии. Особенно быстро развивался мировоззренческий раскол между офицерами и всеми остальными категориями военнослужащих.

Ничего нового. Эти методы давно известны. Отработаны большевиками ещё в Русской императорской армии и назывались они тогда в РСДРП (б) «военно-боевая работа». Только формы изменились.

Сейчас это выглядело так: неправительственные организации подбирали самых «заряженных» граждан с резко оппозиционными взглядами, и те поступали на службу в армию. Далее эти новобранцы до определённого времени вели себя тихо. На этом этапе у них была задача мастерски освоить свои новые воинские специальности, завоевать солдатский авторитет. Потом они начинали подмечать всевозможные недостатки наиболее преданных правящему режиму офицеров и всячески их критиковать – скрытно, чисто в солдатской среде. Затем эти солдаты в критику начали добавлять политические аспекты – подмечали, что все эти «плохие» офицеры придерживаются одних политических взглядов. Следом обобщения уходили к определённой – правящей в Сирии – политической партии. Далее одно – Башар Асад! Большинство этих солдат были суннитами, людьми очень религиозными. И для нас это наука о том, к чему приводит отсутствие запрета в армии на любую партийно-политическую деятельность любой партии.

С другой стороны, эти неправительственные организации проводили работу с офицерским составом армии. Не хитро, но надёжно. Через родственников-знакомых начали внедрять в сознание многих офицеров, что они совершенно не по достоинству оцениваются правящим режимом. А многие из них были о себе очень высокого мнения! Тут надо отметить особенность сирийского общества: продвижение офицера сирийской армии было сильно ограничено из-за род-

ственно-политических-религиозных взглядов офицера и его семьи. Напротив, независимо от профессионализма, продвигаются вверх офицеры не заслуженные, а принадлежащие к определённом слою сирийского общества (близкого к Башару Асаду). Среди офицеров наметились зачатки раскола. Вместе с тем ещё одна часть офицеров придерживалась европейских взглядов, становилась сторонниками смены режима на явно европейский, но только демократическим путём, и надо признать, что эта категория офицеров была самой образованной и технически продвинутой.

Этот момент был очень важным. Сирийскому Генштабу нужно было отреагировать. Как? Известный в нашей армии метод, однако никогда не доводившийся у нас до нормального результата. Надо было затеять переаттестацию офицерского состава на основе глобальных проверочных мероприятий с элементами соперничества. Стимулировать офицеров овладевать своими воинскими специальностями, стимулировать командирскую подготовку. Потом разрекламировать кое-какие результаты: такого-то сняли, а такого-то, наоборот, повысили. Но люди, которые определяют результаты, должны иметь непререкаемый авторитет. Грубо говоря, судейство должно быть открытым, объективным, беспристрастным. То есть вызывающим доверие у всех.

В 70-80-е годы у нас тоже начали всюю проявляться проблемы, подобные сирийским. Тогда беспощадная советская коммунистическая партийная пропаганда всячески превоз-

носила тему офицерских династий. Типа дед – герой, отец – герой, сын продолжает в том же духе. А на самом деле этот сын бездельник, иной раз распустившийся, разбалованный пьяница, которого политорганы тащат за уши и публикуют об этой династии слащавые статьи в армейских газетах. Многих всё это раздражало сильно, так как абсолютно все понимали лживость и лицемерие. Не изжито это явление полностью и в нынешней нашей армии, но всё-таки не имеет таких масштабов. Хотя вне армии у наших «шишек» сплошь чрезвычайно «талантливые» дети, а у многих жёны «талантливые бизнесменки».

Мы с тревогой и интересом наблюдали за сирийской армией. Размышляли о том, как могут соединиться религиозные оппозиционно настроенные солдаты и по-европейски оппозиционно настроенные офицеры. Мы не политологи и поэтому многое не понимали, а если честно, совершенно не соображали на эту тему. Так как в нашей системе координат тема религиозных и племенных факторов в офицерской среде не присутствовала вообще.

Но не просто сидели и наблюдали. Докладывали, причём регулярно.

Никакой реакции. Как тогда говорили: «глушняк». Вместе с тем, несмотря на чехарду в руководстве ГОУ, кое-какие задачи по отработке определённых задач поступали. Всё-таки ГОУ – это ещё какое «глубинное государство»!

Кроме того, именно в 2010 году начался самый радикаль-

ный этап реформы во всех Вооружённых силах России.

И что было самое плохое? Что лежало в основе всех ошибок? В чём их системность?

Отбросим всех этих «сердюковских баб» – это тупорылые исполнители. Именно тупорылые. Их потом выставили как главных виновниц – попользовали и измазали говном. Поделом! Отбросим эту толстуху-любовницу, ну хоть её он спас – нормально. Ну а разве у нас в государстве могло быть по-другому? Любовница – это святое. Наша власть до такого не опустится, чтобы любовниц унижать. В этом я с ней согласен. О вкусах на любовниц тоже не спорят. Хотя это хороший пример того, насколько разный у нас министром вкус на всё. Он всего-то на пять лет меня старше, но его вкус на женщин говорит, что у нас явно диаметрально разные вкусы. Хорошо, что он хоть женщин любит, а не... Уже удовлетворительно. Да и я насчёт женщин совсем не святой, понимаю его хорошо. Посмотрим на дело системно. В чём проблема?

Проблема заключалась в том, что поступила команда ускорить военную реформу. А что это означало на практике? Что тут такого плохого?

Сразу пошёл на слом план реформы. Им было продумано в срок такой-то сделать определённые дела. Сначала одно, затем другое, потом следующее. Почти всегда одно вытекало из другого. Это очень важно! Но сроки изменили, и пришлось делать многое параллельно. Особенно это было наглядно на примере отмены приёма в военные вузы. На смену

плановой работе пришла импровизация, т. е. полное отсутствие расчётов и слом научного подхода. Импровизация – страшное слово для военного дела вообще и для военной реформы в частности. Всё дело в этой импровизации гражданского военного министра, включая его окружение, не только баб, но и представителей соседнего ведомства.

Роль представителей этого ведомства мужского пола очень сильно недооценена в нашей публицистике на тему «сердюковских реформ». Но правда есть правда.

Один из них личность очень одиозная, но предельно тихая, как у них и положено. Пришёл он при министре С. Иванове. Сначала занимал незаметные должности. Потом занял должность одного из заместителей министра. И ещё не при Сердюкове занялся тем, что под видом передислокации в Кострому объединил на базе Костромского высшего военного командного училища химической защиты две военные академии. Да какие! Знаменитейшая Военная инженерная академия потом практически создавалась заново, а Военная академия войск РХБЗ – с ней вышло лучше, но все знаменитые учёные остались в Москве и устроились в гражданские вузы. Понравилось. Продолжили. Роль этой личности невозможно переоценить во многих вопросах. Правда, не всегда и не во всём его дела были плохими, было и хорошее, но меньше. Так часто бывает. Мало абсолютных злодеев. Однако этот человек молниеносно достиг звания генерала армии (это сильно нас обижало), и с ним никто не связывался. А

если честно – все его боялись. Но в определённый момент он стал проявлять недовольство министром. Совсем не всегда мы с этим его несогласием были согласны. Звучит путано, но военная реформа – дело непростое.

Ну а сколько представителей соседнего ведомства занимало должности менее заметные или должности советников и помощников – трудно сказать. Одним словом – много. Но, несмотря на эту «незаметность», роль этих людей очень недооценена, ведь за многими одиозными решениями гражданского министра стояли именно они, а не бабы тупорылые.

Вот тут и слились эти два фактора. Импровизация + кадры. Но было и ещё одно слагаемое.

В то время НГШ не хотел или не мог донести нашу точку зрения до руководства страны. Дополнением к этому стало то, что наш генералитет к тому времени был полностью сломлен или подавлен методом увольнения, перемещения и полнейшей кадровой чехарды. Тут надо сказать, что многие кадровые решения были более чем оправданны. Более того, по многим и многим генералам министерства (не путать с Генштабом) плакала тюрьма, а их просто и тихо увольняли, что тоже вызывало недовольство и озлобление в Генштабе. С другой стороны, стирали в порошок тех генералов, кто имел своё мнение и высказывал его. Показательно была унижена и с треском изгнана большая группа генералов и полковников ГОУ и в целом Генштаба. К издевательствам над ними подключались пресса и ТВ в лице мракобесных пропаганди-

стов. Но особенно гадко было слушать так называемых военных «экспертов». Вот где люди без позвоночника и с наколенниками! Скажу прямо. После этих акций в Генштабе я не знал людей, которые продолжали бы смотреть ТВ. Сам я отвернулся от него уже давно. Опять же, меня это совсем не радовало, так как я считал, что ТВ – важнейший ресурс для формирования в стране патриотического, здорового и сильного гражданского общества. А там одно враньё осталось, не вынесли уроков из советского опыта, повторяем худшее, а не лучшее. Но самое главное, что после этого мы, полковники и генералы ГОУ, стали бояться проявлять инициативу, более того, боялись высказать своё мнение, даже когда его спрашивали. Отвечали во многих случаях (но не во всех) так, чтобы угодить. Вот это уже было страшно и для армии, и для страны. Старожилы ГОУ нам говорили, что такого не было даже при советской власти, при всех этих политорганах. Так сильно на нас подействовало увольнение этих самых умных и знающих генералов и полковников, причём абсолютно честных, не запятнанных никаким баблом (Генштаб к нему не имеет ни малейшего отношения, про деньги – это в министерство). С другой стороны, увеличился вес таких, как я, хотя меня это не радовало совершенно. Я понимал, что слишком многое ещё не знаю и мне надо учиться, учиться и учиться.

В целом, Генштаб стал по многим вопросам бессилен. Спасало ситуацию то, что не по всем. За многие чисто во-

енные вопросы стратегического характера не посмели они брать ответственность на себя. Делать всё нашими руками тоже не вышло – тут мы устояли под их агрессивным нажимом и запугиванием. Да, с нами всё или почти всё согласовывали, но в большинстве случаев это была формальность. И всё-таки мы возражали часто – чисто по военным вопросам, однако споров на совещаниях уже не было. Там, где это было не крайне принципиально: «Есть!», «Так точно!», «Согласовано». Изредка даже министру очень осторожно возражали, высказывали иное мнение. НГШ, зачастую несмотря на наше мнение, визировал документы – согласовывал. Иногда придёшь к нему – обоснуешь своё мнение. Кажется, нет у него ни одной возможности возразить. Промолчит или всё же что-то возразит, так что понимаешь бессмысленность дальнейших пояснений. Всё было бесполезно.

Иной раз жертвуешь чем-то ради более важного. Например, без всяких возражений ставишь свою визу на проекте решения о продаже каких-нибудь гарнизонных домов офицеров. Безропотно. Почему?

Видишь, что к проекту решения приложены многочисленные материалы. Смотришь на социологические исследования населения военных городков и понимаешь, чего люди хотят: им нужны бассейны, секции, рестораны, современные кинотеатры, современные магазины и так далее. Это не была социология, проведённая по заказу нашего министерства. Всё было гораздо глубже – там даже были социологические

исследования торговых сетей, иные исследования по заказу губернаторов, например. Что тут возразить?! Что я могу сказать по поводу того, как этот ГДО влияет на боевую подготовку войск и особенно на оперативную подготовку штабов? Если честно, никак он не влияет. Ведь, по сути дела, эти ГДО в наше время превратились в залы для собраний – не более того. А в городах и для этих целей редко служили.

Вместо этого начинаешь возражать насчёт сокращения военных представительств, насчёт полного их «переформирования» (извиняюсь за выражение). А тут есть что возразить. Пишешь, что надо немедленно забрать у них функцию контроля формирования цен на продукцию военного назначения. Заранее знаешь, что это просто вызов всей гражданской части министерства, в особенности представителям соседнего ведомства. Отлично понимаешь, что это просто идти в лобовую с министром. И всё равно гнёшь свою линию: пишешь о необходимости того, чтобы старший военпред предприятия оставался военнослужащим, и его полной независимости от всех, кроме нашего министерства, и что он должен заниматься **ТОЛЬКО** контролем технологии и качества продукции. Знаешь, что «на урну», но продолжаешь гнуть свою линию в надежде, что «ну раз мы согласились по этим ГДО, например, то, может, в этом вопросе вы нас услышите».

Иногда и по мелочи удавалось хоть что-то сделать. Но в основном это бесполезно потраченное время, а иной раз и гнев.

Однажды министр на меня наорал, но не оскорбил, удержался в духе: «Товарищ полковник!» Я собрал волю в кулак и промолчал, плебейски снёс это.

Тут уже наша военная психология. Умом всё понимаешь. Если бы министром был генерал, т. е. наш армейский человек, конечно, я бы отнёсся к этому как к вполне рабочему моменту. А тут видишь перед собой гражданского и воспринимаешь в штыки. Всё равно в сознании сидит вопрос: «Ты кто такой, что ты вообще о нашем деле знаешь и что ты прошёл, чтобы тут со мной так разговаривать?» То, что он министр обороны, сознание не воспринимает, хоть умри!

После этого мучился, мне было унижительно и стыдно. Но понимание того, что стоит его одёрнуть и меня очень быстро уволят, заглушало эти чувства. Тогда от решения министра уволить до указа Президента об увольнении проходило не более десяти, а чаще до семи дней.

То есть в итоге формула выглядела так: импровизация + кадры соседнего ведомства + игнорирование по большинству вопросов Генштаба.

Не всё шло плохо. Некоторые чисто военные вопросы нормально продвигались. Осенью 2010 года приступили к функционированию созданные на базе управлений военных округов оперативно-стратегические командования. Тогда было создано четыре таких командования: Запад, Юг, Центр и Восток. Это было не просто объединение управлений и штабов и переподчинение им объединений, соединений и воинских

частей, хотя названия округа сохранили. Это было наделение уже в мирное время командующих и штабов межвидовыми полномочиями. Проще говоря, если бы эти командования были созданы ещё в 2007 году, то во время войны с Грузией командующий войсками ЮВО (тогда СКВО) спокойно бы отдавал приказы командующим Черноморским флотом, Каспийской флотилии и 4-й армии ВВС и ПВО. Разумеется, стратегические ядерные силы остаются вне этих командований, они остаются в подчинении Генштаба.

Но создать эти командования – только половина дела. Такое, без всяких преувеличений, стратегическое реформирование управления войсками требовало немедленного технического обеспечения. То есть требуется оснащение этих командований современными средствами связи, обеспечивающими надлежащий объём и скорость. И надо признать: это делалось вполне успешно. Нормально в этом плане продвигались. В принципе, это и был первый этап реформы для всех наших войск связи и вообще для связи Вооружённых сил. Прошёл он успешно, просто на редкость. В целом реформа связи (с полным перевооружением) – одна из самых печальных во всей этой реформе, на войсковом уровне она не была доведена до запланированного Генштабом результата даже на 30 процентов. Всё опять уперлось в «деньги».

А что в войсках и на флотах? В войсках шло безжалостное сокращение. Дивизии переформировывались в бригады. Это огромное сокращение.

Например. В итоге в строю общевойсковых бригад должно остаться чуть больше 2000 танков. Почти десятикратное сокращение. Обоснованно? Безусловно. Здесь вотчина Генштаба, и мы хорошо понимали, что в условиях ограниченных людских и прочих ресурсов этого вполне достаточно. Существующий характер угроз (то есть тот который признан Верховным, а он не совпадал со списком Генштаба) тревог о нехватке танков у нас не вызывал. Это ради примера. Валить тут всё на министра не стоит, то был не его вопрос. Примерно в таком же духе всё продвигалось в авиации, на флотах, но РВСН почти не затронуло.

Особенно тяжело было переживать огромное сокращение офицеров и прапорщиков. Вот это вопрос министра. Мы в разное время выдвигали большое количество предложений по разумному использованию ценнейших кадров. Иной раз просто радикальные, даже для расширения количества вариантов им на выбор. Например, с целью сохранить офицеров и прапорщиков, пережить какое-то время, а потом решить вопрос по-другому предлагали сформировать офицерские полки, где все должности рядового состава предлагалось укомплектовывать молодыми офицерами и прапорщиками, которых почти залпом высвободилось большое количество. Были генералы, готовые стать командирами таких батальонов и дивизионов, полковники, готовые возглавить офицерские роты и батареи при условии сохранения окладов по предыдущим воинским должностям офицерам и прапор-

щикам. Кроме того, это был бы большой и надёжный кадровый резерв, в том числе инструкторов и советников. Но ответ министра был: «Нет». Дорого. Эх, как это нам через несколько лет пригодилось бы в разных уголках мира! Но было уже поздно. Дополнительно началось переименование воинских должностей, понижение штатно-должностных категорий и так далее. Резали по живым людям, по их судьбам. Действовали просто зверски. Сроки!

Как-то на совещании у НГШ вышло даже высказать своё мнение о том, что бригады надо формировать, но называть их полками – традиционным названием русских воинских формирований. Наполнение делать бригадным, называть полком, при этом сохранить истинные наименования самых заслуженных полков Советской армии, дополнительно возродить самые знаменитые полки Русской императорской армии. НГШ отверг это предложение и не стал объяснять. Очень жаль. Хотя в дальнейшем, забегаая вперёд, скажу, что В. Путин всё-таки с нами согласился. Нам удалось это реализовать, но соответствующее распоряжение В. Путина выполнено только частично. Ну что тут сказать? Я до сих пор не понимаю, как можно не добиться исполнения собственного приказа. Кроме того, часть о том, что возрождённые полки должны участвовать в военных парадах в исторической полковой парадной форме, вообще проигнорирована – полностью и окончательно. Поскольку этот вопрос не давал мне покоя: я считал его очень важным, полагая, что на-

ша армия должна взять всё лучшее как из советской, так и из русской, то однажды я задал его одному из руководителей администрации Президента. Он мне ответил очень коротко и многозначительно:

– Лидер коммунистов...

– Вы это серьёзно? – с усмешкой спросил я.

– Политика. Пока что так.

Первые массовые акции протеста в Сирии вспыхнули в марте 2011 года.

Наш МИД сразу их охарактеризовал как часть общего движения под названием «арабская весна». Что-то похожее к тому времени уже проходило в Бахрейне, Египте, Йемене, Ливии и Тунисе. Мы с этим категорически не согласились. ГРУ нас снабжало другими сведениями. Мы их анализировали и считали это целенаправленной политикой по уничтожению Сирии, прежде всего её армии. Отлично понимали, что происходящее в сирийской армии – это часть процесса, происходящего в государстве. Дипломаты по устоявшейся традиции наши возражения восприняли в штыки. Сразу и бесповоротно. Опять же, представляя дело так, что мы в ГОУ очень узко мыслим и всё «специфически» воспринимаем. Их слова ложились на хорошо удобренную почву гражданского министра.

По одной из резолюций Президента поняли, что он сторонник позиции МИД. Но дело в том, что он наложил резолюцию на документ, где точка зрения Генштаба отражена

настолько убого, что вызвала у нас оторопь. Понятно. Это проделки аппарата нашего министра.

Видя это всё, мы решили не сдаваться и подготовить соответствующий проект доклада начальника ГОУ министру (в инициативном порядке – такая задача нам не ставилась), прекрасно понимая, что мнение начальника ГОУ очень тяжело проигнорировать. Более того, кто бы ни занимал должность Президента, проигнорировать это мнение непросто и ему. Прекрасно понимая, что такой доклад, попав на стол к министру, почти одновременно ляжет на стол кому-то очень великому в администрации Президента (неофициально), соседнее ведомство такое не проспит. Вот в таком виде работал тогда гражданский (политический) контроль над военными. Именно на это у нас и был расчёт. К тому же мы догадывались, что как только наш проект доклада попадёт к начальнику ГОУ, то его содержание начнут пристально изучать наши соседи и кто-то в администрации. Отлично понимали, что этот политический контроль присутствует в ГОУ в полной мере, насквозь, и уж кого-кого, но ГОУ оставить без внимания они не могут. Догадывались, что всё это у них работает через делопроизводство всех уровней. Поэтому решили сразу же всё на эту тему регистрировать официально – подконтрольный нам «слив». Но это всё негласный политический контроль. Для движения доклада в установленном порядке было неопределимое препятствие – тогда мнение начальника ГОУ могли услышать, только если ему не будет препят-

ствовать НГШ. Однако и здесь мы схитрили. Отлично знали, что НГШ Сирию видит нашими глазами, просто не хочет с кем-то воевать. Но когда ему официально доложит начальник ГОУ, деваться будет некуда, он доложит министру. Придётся или министру доложить, или нам ставить другие задачи, что чревато. И вот когда министр получит этот доклад, расчёт был на то, что в нём будет слишком серьёзная и «горячая» тема. Просто уже изучив психологию гражданских чиновников, мы поняли, что, получив этот «горячий пирожок», он не захочет держать его в своих руках, попробует отфутболить дальше. Дальше – это кому? Понятно: Президенту. Почему? А потому что, если мы окажемся правы и будет плохо, потом начнут разбираться, кто и что делал. Выяснится кто, что и кому докладывал. То есть быстро найдут виновника, на котором всё остановилось. Опасность они хорошо чувствовали.

Сели с моим начальником управления и решили готовить обстоятельный доклад, т. е. этот «горячий пирожок». Поручили направлению Морозова. Я непосредственно курирую эту работу.

Собрались с Морозовым и ещё тремя полковниками из его направления. Как водится, составили календарный план-график с тематическими вопросами (гражданские чиновники это называют «дорожной картой», чёрт бы побрал их терминологию).

Взялись за отработку при соблюдении полной секретно-

сти. Знали об этой работе только мой начальник, я, Морозов и те трое полковников.

Как ни крути, но приходилось излагать и некоторые факты общественно-политического характера. Это всё очень связано в современных войнах.

Примерно за месяц до начала первых сирийских беспорядков в социальной сети Facebook появились призывы к «дню гнева», а именно к массовым демонстрациям в Дамаске и Алеппо против Президента страны Башара Асада. 15 марта несколько сотен человек откликнулись на призыв социальных сетей и вышли на улицы в Дамаске. Протестующие требовали прекращения чрезвычайного положения, действовавшего с 1963 года, восстановления личных, политических и экономических свобод, ликвидации коррупции. На следующий день прошла ещё одна демонстрация, участники которой требовали освобождения политзаключённых.

Честно говоря, я сам думал о том, что с этим невозможно не согласиться.

Уже через три дня вспыхнуло восстание в Дарья, городе на границе с Иорданией. Акция протеста против произвола полиции закончилась столкновениями и кровопролитием: три человека погибли на месте и ещё один скончался от полученных ранений. Похороны погибших привели к новым беспорядкам. В последующие дни протестующими были сожжены офис правящей партии, Дворец правосудия, полицейские участки, осквернён памятник Хафезу Асаду, от-

цу Башара Асада. Часть города перешла под контроль протестующих, а расположенная там мечеть была превращена в полевую госпиталь, куда доставлялись получившие ранения и пострадавшие в результате применения слезоточивого газа демонстранты. Члены запрещённой мусульманской организации (не пишу название, потому что, возможно, она и у нас запрещена, не разберёшься теперь с этими запретами), группировавшиеся вокруг имама местной мечети, взяли на себя организацию противостояния властям. Именно здесь религиозные деятели впервые пересекли запретную линию.

Одним из инструментов протестной мобилизации стал племенной фактор, взорвавшийся в молодёжной среде городских мигрантов – выходцев из арабских племён, экономически не приспособленных, недовольных своим маргинальным экономическим и политическим положением и обвинявших в этом правящий режим. Племенное единство, как объединяющий фактор, использовалось при создании сетевых структур оппозиции почти во всех крупных городах.

Протесты оппозиции, вдохновлённой успешными революциями в Тунисе и Египте, принимали формы шествий, которые всегда перерастали в столкновения с полицией, сопровождались актами вандализма, поджогами.

Появились первые жертвы. Сирийский Президент публично признал частичную правоту требований протестующих, лично извинился перед членами семей погибших. 29 марта правительство ушло в отставку, Асад сменил пре-

мьер-министра и 20 апреля отменил режим чрезвычайного положения, действовавший 48 лет...

То есть выполнил очень много. Но было уже поздно...

Поэтому эскалация продолжалась. И сразу же начались репрессии против «зачинщиков», очень бестолковые. Иной раз под репрессии попадали просто активные люди. Это плохо. В итоге новый виток, ещё более злобный, но более целенаправленный. И наши «партнёры» это тонко уловили. Им нужно было просто поддать кислорода в этот огонь справедливого протеста.

21 апреля неизвестными в Хомсе были зверски убиты два генерала и их семьи. За этими преступлениями в самом городе и его ближайших окрестностях последовала целая серия нападений, диверсий и убийств, совершавшихся вооружёнными боевиками. У нас действительно не было никаких данных о степени участия в этом спецслужб.

СМИ Сирии обвинили в организации зверских убийств радикальных исламистов.

Зарубежная сирийская оппозиционная организация – партия... (не пишу название на всякий случай, а вдруг запрещена) – утверждает, что офицеры были убиты наймитами режима с целью предотвратить их переход на сторону восставших. Оба генерала служили в частях, расквартированных близ Хомса.

Кроме них, подобным способом были убиты ещё минимум два солдата сирийской армии и два офицера, один из

них – в ранге полковника.

Это был явный сигнал, и мы в ГОУ, в отличие от МИД, не могли его пропустить.

О чём это говорило?

В сирийском обществе армия имеет особое положение – это стражесть государства. Почему? Рядом злейший и заклятый враг – Израиль. В то время всё общество смотрело на армию. Как она себя поведёт? С кем армия? С кем этот непрекращаемый авторитет? От этого зависит судьба протеста.

А в армии шли нехорошие процессы, но она была ещё управляема, офицеры могли подавить любые попойзновения своих солдат.

И тут эти убийства. Убийства не простые, а с двойным дном. Почему?

1. Это очень громкие убийства. О них будет знать каждый сириец.

2. Версия о том, что это сделал Асад, служила не столько для его обвинения, сколько для того, чтобы известить сирийское общество о том, что даже в армии генералы недовольны Асадом и хотят поддержать протестующих. То есть армия с нами! Мало того, так ведь Асад, такой зверь, убил уважаемых офицеров – злейших врагов Израйля (это уже больше расчёт на младших офицеров).

Явные действия на раскол сирийской армии. А это наш Генштаб не может пропустить ни при каких обстоятельствах. Почему? И зачем нам это всё? Причём здесь вообще Ген-

штаб нашей страны? Коротко:

1. Не будет сирийской армии – не будет Сирии.
2. Не будет Сирии – не будет России на Ближнем Востоке. На её территории будут США, Турция и, возможно, Израиль. А им это, получается, надо. Вот ведь как выходит.
3. С Ближнего Востока уйти можно, вернуться невозможно. У нас там просто не будет места. Кто нас туда пустит?
4. Для чего вообще этот Ближний Восток нам нужен? Ну хотя бы для влияния на цены нефтяные.

5. Не будет Сирии – будет газопровод из Катара в Европу. Возможно, будут нефтепроводы к сирийским портам и дальше по дну моря в Европу. А зачем тогда Европе «Газпром» или «Роснефть»? А что тогда будет в России?

6. В конце концов, это был единственный пункт материально-технического обеспечения ВМФ в Средиземном море!

Это в «крупную клетку», не углубляясь.

Несложно в этом разобраться любому человеку.

Но почему-то мои сограждане, с которыми я разделяю политические взгляды, которых называют демократами/западниками, не хотят слышать и понимать такое элементарное. Досадно, но факт. Не все, конечно. Но многие. У России есть свои интересы, и они должны соблюдаться любым политиком независимо от того, сталинист он, либерал или единокоросс.

Тогда в ГОУ немногие были сторонниками «Единой Рос-

сии». Хотя мы на эти темы не разговаривали, я понимал, кто и каких взглядов придерживался. Мой начальник управления был сторонником «Справедливой России». Я был и оставался (тогда) сторонником партии «Яблоко», Морозов всегда голосовал за КПРФ, хоть Сталина он очень не любил. Но разные политические взгляды не мешали нам делать общее дело. Хорошо, что деятельность политических партий в армии запрещена! Возможно, для некоторых это прозвучит пафосно, но все мы, независимо от политических взглядов, были патриотами. Конечно, все понимали, что режим Башара Асада «зарвался» и «зажрался», понимали, что требования протестующих справедливые, понимали чаяния сирийцев. Вместе с тем также понимали, что ЛЮБАЯ смена режима – вред интересам России. А интересы России – это, разумеется, высшая общемировая гуманитарная ценность для нас.

Наше обоснование в докладе о том, что процессы, происходящие в Сирии, не являются эволюцией революции под названием «арабская весна», не носило какой-то там научный или теоретический характер. Писали мы об этом не для того, чтобы поставить на место мидовцев. Наши доклады всегда имели предельно практический характер, и чтобы не лезть в вопросы МИД, мы предлагали меры по поддержке сирийской армии, а не политического режима. Не спорю – немного хитрили. А что тут плохого? Обоснованно полагали, что если сейчас армия покажет свою сдержанность, ум,

силу и потенциальное единство, то эту силу увидят полиция, чиновничество, деловые люди – они всегда поддержат сильного. Тогда государство устоит, наши политики через МИД и прочие структуры смогут помочь в проведении назревших давно реформ. При этом мы настаивали на том, что применение армии внутри страны против протестующих неминуемо приведёт к расколу в ней. Это страшно для любой страны, а для Сирии – смерть. Армия, в отличие от полиции и других силовых структур, является срезом общества, его составной частью и не может использоваться в правоохранных целях внутри страны. Армия – это единство любой страны в войне с иным государством. Военнослужащие армии, по сравнению с полицией или военнослужащими, проходящими военную службу в ФСБ (например), не имеют никаких силовых прав по отношению к остальным гражданам. Вместе с тем нам был известен настрой некоторых сирийских генералов и политиков, которые хотели применить армию и решить всё одним махом. Вот это «одним махом» вообще вызывало у нас сильнейшую тревогу.

В докладе мы писали о том, что сирийской армии надо предложить нашу помощь в виде советников. А советники должны представить руководству сирийской армии конкретный план. Среди предложений были и такие, как её немедленная очистка от политически неблагонадёжных элементов; выдвижение на высшие должности офицеров, пользующихся авторитетом среди подчинённых-професси-

оналов, независимо от принадлежности к различным кланам; командирование неблагонадёжных офицеров, увольнение которых нежелательно по разным причинам (склонных к переходу на сторону оппозиции), в Россию под видом обучения и переподготовки. И много чего ещё такого, о чём писать до сих пор нельзя.

Делать это надо было срочно, так как ситуация в Сирии развивалась быстро и только в худшую сторону.

Начальник ГОУ наши предложения поддержал, а вечером мы кое-что дополнили уже по указанию НГШ.

Через два дня нам поступила команда приступить к подготовке плана оказания помощи САА.

Так в 2011 году началась работа, которая растянулась на несколько лет. И от того, что мы предложили тогда, уже через полгода не осталось ничего. Потом скорость устаревания наших новых предложений возрастала и возрастала, до тех пор пока нам не была поставлена задача готовить всё с нашим прямым участием. Но до этого ещё далеко.

Поначалу мы получали бодрые доклады сирийского Генштаба о готовности защитить страну и режим.

В июне 2011 года началась военная операция сирийской армии в Джиср-эш-Шугуре (провинция Идлиб). По заявлениям сирийского руководства, операция сирийских вооружённых сил в этом городе была направлена против террористических групп, в то время как сирийская оппозиция назвала это репрессиями против мирных протестующих.

Вооружённые столкновения в Джиср-эш-Шугуре стали поворотным моментом в войне в Сирии. Кто сейчас об этом помнит и знает? Немногие. Но мы в ГОУ отнеслись к этим событиям со всей серьёзностью. Мы уже тогда поняли, что ждёт сирийскую армию. Знали, что мнение Генштаба, изложенное в том докладе, не разделил ни наш министр, ни соседние ведомства. Однако неожиданно поддержал наш МИД. Многие нас не поддерживали не потому, что все там были такие тупые, а мы самые умные. В основном все считали, что надо обязательно задавить силой эти протесты, если применить для этого армию – ничего страшного. Ничего удивительного тут нет. Если человек не служил, то он не понимает, что такое солдат. Не понимает, кто такие армейские офицеры. Не понимает, что это и есть народ. Не понимает, что в армии будет очень много несогласных воевать со своим народом. Не поверили нам, что эти действия приведут к расколу в сирийской армии.

Военной операции предшествовали массовые антиправительственные протесты, для подавления которых войска применили оружие, что привело к многочисленным жертвам. Государственные телеканалы демонстрировали кадры с выгоревшими зданиями государственных учреждений, полицейских отделений и сожжёнными автомобилями. По словам властей, силы безопасности и полиция в городе подверглись нападениям вооружённых банд, которые нападают на государственные учреждения, запугивают население и бло-

кируют дороги, ведущие к городу.

Там было сделано всё, как назло, крайне неправильно. Это ещё, мягко говоря. Но как было.

4 июня группа сотрудников службы безопасности с крыши почтамта обстреляла похоронную процессию, после чего разъярённые участники процессии подожгли здание. В ходе нападения восемь офицеров госбезопасности были убиты. Волна насилия стремительно захлестнула город. Протестующие взяли штурмом местное полицейское отделение и захватили хранившееся там оружие. По мере обострения ситуации начали отмечаться случаи дезертирства среди сотрудников службы безопасности и полицейских. Согласно сообщениям, причиной этому послужили публичные казни, отказавшихся стрелять по гражданскому населению офицеров госбезопасности.

На помощь им в город было отправлено какое-то подразделение армии. Долго мы даже не могли выяснить, что это было за подразделение. Вскоре после этого Сирийское информационное агентство сообщило о гибели 20 военнослужащих, попавших в засаду, когда они направлялись на выручку блокированным в городе подразделениям службы безопасности. Ещё несколькими часами позже пришло известие о захвате штаба службы безопасности. В результате нападения погибло несколько десятков полицейских. Произошедшие события стали первым серьёзным поражением правительственных сил. Но то, что там уже воюет армия, мы по-

няли.

6 июня получили от сирийцев сообщение о том, что неизвестные вооружённые группы атакуют силы безопасности в городе. Согласно этим сообщениям, они сначала заманили в засаду группу полицейских, которые ехали по вызову местных жителей, сообщивших, что неизвестные боевики их терроризируют, и убили двадцать из них. Позже они напали на полицейское управление города и захватили его, убив 82 сотрудника сил безопасности. Кроме того, боевики напали и взорвали почтовое отделение, которое охраняла полиция, убив ещё восьмерых. В течение дня всего было убито 120 полицейских. Позже нам сообщили, что по результатам прослушки телефонных переговоров повстанцев целью атаки было подорвать доверие граждан к правоохранительным органам и что повстанцы договорились захоронить убитых ими сотрудников правоохранительных органов, чтобы позднее выдать это место за массовое захоронение мирных жителей.

Наши разведывательные источники (не только ГРУ ГШ) докладывали совсем другое. Сообщили, что начались бои, часть военнослужащих армии и полицейских взбунтовалась и присоединилась к местному населению. Те из них, кто отказался перейти на сторону оппозиции, были разоружены своими же сослуживцами, потом убиты «мирными» протестующими, а их тела изуродованы, некоторые сброшены в реку.

Таким образом, отказавшись стрелять в свой народ, военнослужащие (включая офицеров) волей-неволей оказались втянуты в убийство бывших сослуживцев. Ясно, что им отрезана дорога назад.

Поскольку сирийские генералы напрочь отрицали правдивость наших сведений, то получить от них информацию о боевом численном составе подразделений, перешедших на сторону оппозиции, было невозможно.

Между тем наша военная разведка в том месте и в тот момент не имела достаточных источников информации. Основные сведения поступили по линии СВР, а эта служба совершенно не ориентирована на то, чтобы генерить информацию военно-технического характера. Но в конечном итоге мы узнали, что на сторону оппозиции перешло около 50 боевых бронированных машин, включая 7-10 танков и «несколько» сотен военнослужащих, плюс около сотни полицейских.

Сирийский Генштаб позже всё-таки сообщил нам, что попытка войти в город и навести порядок закончилась неудачей для одного мотопехотного батальона, что потери сирийской армии «до роты» (точнее они отказывались сообщать, ссылаясь на потерю части средств связи и гибель офицеров управления батальона, вошедшего в город). В разных частях города заблокированы две мотопехотные роты, ведущие оборонительные бои, и около сотни полицейских, которые небольшими группами пытаются пробиться к армейским подразделениям, но безуспешно. Но тоже далеко не

всё у нас сходилось.

На следующий день от СВР (Служба внешней разведки), из разведисточников в сирийской полиции, получили информацию, что полицейским удалось пробиться к одной из рот. Далее некоторые полицейские попытались поднять мятеж, к ним присоединились солдаты. Мятеж удалось подавить: командиры (армейские офицеры) расстреляли зачинщиков (и полицейских, и своих солдат). Позднее пришло уточнение информации. Оказалось, что полицейских специально пропустили к армейским с целью убедить военнослужащих перейти на сторону оппозиции: часть этих полицейских уже побывала в плену у оппозиции и была отпущена под задачу агитации и пропаганды. Также получили более-менее внятные величины заблокированных в городе правительственных сил: около 60 военнослужащих и 50 полицейских, полное отсутствие боевых бронированных машин.

То есть информация была очень неточной и противоречивой. Но это не освобождает нас от дела. Надо было додумывать самим. Анализировать.

Мы сделали вывод, что в город входил один мотопехотный батальон, за ним шли силы правопорядка до роты полицейских для дальнейшей зачистки. В результате этого штурма вся техника батальона захвачена. Почти все военнослужащие и полицейские или убиты, или перешли на сторону оппозиции.

Только 8 июня вечером от сирийских генералов мы получили информацию о происходящем. Убедились в том, что полученные нами сведения от разведки (в основном от СВР) были правдивыми, хотя и с неточностями, что вполне нормально. Также нам сообщили, что в этот район будет переброшена одна мотопехотная бригада, что спланирована операция по взятию города и деблокированию верных правительству подразделений.

9 июня бригада была переброшена и немедленно приступила к частичному освобождению пригородов, к блокированию города.

Нам предоставили план операции. Изучили. Без всяких преувеличений и скромности могу сказать, что в этом вопросе всё внимание руководства нашего Генштаба было обращено именно на меня. Так что я очень глубоко и скрупулёзно всё изучил. Делал это не просто быстро, но и стремительно. Понимал, что времени очень мало, ведь начало операции назначено на пять часов утра 11 июня. Но не только поэтому. С первого взгляда понял, что надо всё переделывать, а поэтому и переносить сроки начала операции как минимум на сутки.

План предусматривал массированное использование боевых бронированных машин, особенно танков. Всего планировалось использовать 197 боевых бронированных машин: 105 БМП-1, 57 БТР-70, 35 танков Т-55АМВ, 16 122-мм гаубиц Д-30, четыре 152-мм гаубицы Д-20, 24 миномета, девять

вертолётов Ми-8 и четыре Ми-24.

Прибыл к начальнику ГОУ.

– Докладывайте, товарищ полковник. Прошу очень кратко. Только суть предложений. Начинайте с них.

Доложил.

Нужно было, конечно, по классике – сначала сведения о противнике. Нет. Не дал он мне такую возможность.

Высказал свои предложения о необходимости действовать совершенно иначе, чем планируют сирийцы.

Мои предложения опирались на собственный боевой опыт и заключались в том, что надо из двух батальонов создать два штурмовых отряда. Внутри этих штурмовых отрядов на базе рот создать штурмовые группы, а в них три подгруппы (лёгкую, среднюю, тяжёлую), разные по численности и вооружению, плюс в каждой штурмовой группе 3-4 пары снайперов. Доложил и по задачам штурмовых подгрупп. Технику использовать (если использовать) с безопасного удаления и так далее и тому подобное. Вместо массированного использования танков и БМП точно и точно, в исключительных случаях, применять миномёты, применение гаубиц исключить, но быть в полной готовности, для этого в составе каждой штурмовой группы иметь одного, а лучше двух офицеров-артиллеристов и так далее. Даже предложил быстро доставить во временное пользование 2-3 БПЛА малой дальности «Орлан-10», которые в то время уже находились в войсках и проходили испытания, но на вооружение на-

шей армии ещё не были приняты. Однако их использование требовало участия наших специалистов, так как в их армии такого оружия пока не было, да и в нашей проходили экспериментальную эксплуатацию всего несколько десятков: только в двух мотострелковых бригадах, одной танковой и одной десантно-штурмовой. Но самое главное, всё-таки предложил в самом конце доклада, чтобы вообще всё было не так: чтобы армия в город не входила, а лишь блокировала его, чтобы её действия носили вспомогательный характер. С расчётами обосновал, что у республиканской гвардии (аналог тогдашних наших внутренних войск МВД) достаточно сил, предлагал собрать здесь в кулак батальон полиции с целью зачистки. Кроме того, предложил армии развернуть полевой госпиталь для оказания медицинской помощи пострадавшему мирному населению, обосновывая это тем, что как раз это будет воспринято народом правильно.

Генерал поморщился, но я понимал, что он со мной полностью согласен и его неудовольствие связано с тем, что он отдавал себе отчёт в том, что наши предложения будут идти вразрез с сирийцами. Прямо при мне связался с НГШ и попросил разрешения немедленно к нему прибыть.

Через минут десять мы были в кабинете НГШ.

Много разного сейчас говорят о тогдашнем НГШ. Я тоже имел своё мнение. Внимательный читатель его уже знает.

НГШ попросил быть предельно кратким. Выслушав нас внимательно, задал несколько вопросов. Я знал, что он всё

прекрасно понимает. Не такой это сложный вопрос, и его квалификации более чем достаточно.

– Так. Понятно. Это штатная мотопехотная бригада? Или что-то сводно-сборное?

– Это сводная мотопехотная бригада 4-й механизированной дивизии, усиленная вертолётами. Командует какой-то там брат Президента Сирии, штатный командир дивизии.

– Что значит «какой-то там»?!

– Виноват. Фамилия Асад. Как зовут – забыл. Не привык ещё, – я стал судорожно искать соответствующую запись.

– Товарищ полковник! Вы их всех просто наизусть должны знать! От зубов должно отскакивать!

– Командир – бригадный генерал Мехер Асад, младший брат Башара Асада, сын предыдущего Президента Сирии Хафеза Асада, – глядя на меня с укором, произнёс начальник ГОУ.

НГШ взглянул на него и подтверждающе кивнул.

– Почему вы, товарищ полковник, ещё не изучили командный состав их армии? Или вам материалов не дали?

– Материалов очень много. Всё есть. Всем обеспечен. Изучил. Просто не придавал сейчас этому значения. Я по делу на любой вопрос могу ответить. Какое мне дело до того, кто там брат или сват? Какое это имеет отношение к штурму?

Генералы переглянулись и вдруг начали надо мной смеяться. Мне было неловко и... стыдно.

– Прямое, товарищ полковник. Вы же столько времени на

Кавказе провели. Вы что? Или у вас в Москве мозги набекрень встали? – продолжил НГШ, уже как-то беззлобно.

– Я догадываюсь, что вы имеете в виду. Но к штурму это не имеет отношения. Прошу прощения.

– Прямое! – отрезал НГШ, неотрывно смотря мне в глаза.

Я судорожно перебирал всю изученную информацию. Ничего на ум не приходило. Хоть провались на месте от стыда!

– Ладно. Пока простительно. Но начинайте изучать по Сирии, по всему Ближнему Востоку, по Израилю всю общественно-политическую тематику. Не заикливаться только на военно-технической информации! Изучайте самые разные точки зрения. Всё что только можно. Смотрите ток-шоу разные по телевидению. Терпите – этот бред полезен для критического восприятия. Я вам сочувствую. Надо. Надо понимать всё, что происходит. Не ограничивайте себя только нашими военными вопросами. Сирийская армия – это и есть Сирия, но всё-таки не вся. Там много всякого. И так по всему Ближнему Востоку. Ну, догадались хоть о чём-то?

– Никак нет, товарищ начальник генерального штаба, – было очень стыдно.

– Плохо. Ладно. Подскажу. То, что он родной брат Президента, значит, что этому генералу указ только Президент. Роль их министра обороны и Генштаба понятна?

– Дошло. Это так просто, даже обидно. Просто в эту сторону не подумал.

– Плохо. Это имеет самое настоящее практическое значе-

ние. Им можно что-то посоветовать, но они нас не слушают совершенно. Можно что-то сказать генералам Генштаба. Они выслушают и, скорее всего, ничего этому комдиву не скажут. Звонить их Президенту – у меня пока таких полномочий нет. Разговаривать с их командиром дивизии я не буду. Слишком много чести. Поговорю с их начальником Генштаба насчёт того, чтобы он поручил кому-то из своих генералов позвонить вам. Выскажете своё мнение. При этом приказываю делать это очень деликатно, в форме теоретических размышлений и практических ненавязчивых советов. Приказываю! Не более! Понятно?

– Так точно. Теперь вообще всё понятно.

– Пока что так. Что знаем о противнике? – обратился он ко мне.

– Ничего.

НГШ удивлённо на меня посмотрел, и этот взгляд не предвещал ничего хорошего. Понимая это, я продолжил:

– Аналитическим путём я, конечно, всё рассчитал. Но это мои предположения. По данным СВР можно сделать вывод, что на сторону повстанцев перешёл целый мотопехотный батальон без двух взводов – это по личному составу. Примерно 40 БМП и БТР, 7-10 танков.

– Что-то с трудом верится, – сказал НГШ.

– Сирийцы это не подтверждают. Наше ГРУ тоже пока там бессильно. Извиняюсь, конечно. Их Генштаб это полностью отрицает. Но СВР докладывает, что вот такие цифры по бо-

евым машинам. То есть в город вошёл мотопехотный батальон. Сейчас на стороне правительственных сил два взвода без техники, с одним миномётом, в полном окружении. Остальные на стороне оппозиции или убиты. Разведчики сами говорят, что данные очень приблизительные. Я их сведения считаю достоверными. В городе будет держать оборону мотопехотный батальон, доукомплектованный пехотой за счёт перешедших на сторону оппозиции полицейских и боевых повстанцев. По сообщениям сирийцев, батальон этот был боеспособный, полностью обученный. Опять же: по данным СВР, в рядах протестующих в этом городе было не менее 300 человек из числа недавно демобилизованных из сирийской армии, предельно обозленных на всё что только можно. Им, кстати, приписывают и основные зверства в отношении полиции. И благодаря их призывам почти весь призывной состав этого батальона добровольно перешёл на сторону оппозиции. Для офицеров этого батальона, скорее всего, переход на сторону оппозиции – вынужденная мера, так как они остались без своих солдат. А потом, когда начались убийства и зверства по отношению к отказавшимся переходить полицейским и военным, офицеры уже поняли, что обратной дороги нет. Придётся воевать за оппозицию. В итоге исхожу из того, что обороняющихся в городе будет никак не менее 500 штыков, плюс захваченная техника, но там один боекомплект. Если в городе было стрелковое оружие, то численность этого батальона может доходить до 1000 че-

ловек. Бегло изученная архитектура города позволяет прийти к выводу, что противник организует оборону тремя опорными пунктами...

НГШ меня выслушал и перебил в самом конце одним своим проницательным и недовольным взглядом. Те, кто разговаривал с руководителями такого уровня, легко меня поймут.

Я разозлился, взял тонкую металлическую ручку-указку и начал показывать на карте:

– С востока, запада и юга планируют и наверняка ждут. С севера, со стороны гор, наступления не ожидают. Поэтому предлагаю атаковать двумя штурмовыми отрядами с севера и северо-запада. Понимаю. Тяжело. Трудно и даже рискованно. Технику туда не подтянешь. Но надо действовать поумному. Надо постоянно маневрировать. Нужна скрытность. В этом готов подсказать, научить. Сделать. Достаточно одного-двух хорошо обученных взводов – для начала. Можно сделать. Надо имитировать маневрирование техники и личного состава с юга: град команд, имитация наступления одним батальоном – это с юга, только техника, личный состав свести в штурмовой отряд и на северо-запад их, скрытно. На востоке дать им возможность беспрепятственного выхода. Демонстративно убрать эти две мотопехотные роты. В любом случае зачем этим двум мотопехотным ротам 25 танков?! Достаточно 23 БМП и девяти миномётов. Нужно оттуда всех убирать. Когда противник город покинет, надо дать

ему немного отойти, дальше на восток. Пусть почувствуют себя в безопасности. Надо. Это наш же опыт второй чеченской – загнать на минное поле. Но тут по-другому. Примерно в 5-6 километрах от города есть место, где из-за гор можно хорошо накрыть их артдивизионом из состава этой сводной бригады, надёжно уничтожить – им некуда будет скрыться. Если надо. А ещё лучше – подтянуть туда реактивную батарею, шесть РСЗО будет вполне достаточно, но желательно больше, конечно. Город с населением более 50 тыс. человек, плюс никто не знает, сколько туда людей ушло из огромных пригородов. Это немало, и нужно действовать более точно. Жертвы могут привести к ещё большей озлобленности. А сирийцы рассчитывают на массированное применение бронетехники и артиллерии, что неминуемо приведёт к огромным жертвам. Но основное моё предложение остаётся прежним. В город должна войти республиканская гвардия с полицией, только со своей «стрелкотнёй», то есть стрелковым оружием. Предусмотреть коридор для выхода на восток. Как только выйдут на нужный район – предложить сдаться, отфильтровать, и всё, что у них положено по юридической части, пусть сами смотрят. Нет – накрыть артиллерией и потом разбираться дальше. И тут уже жёстко. После этого можно и пропаганду там какую-нибудь придумать, чтобы побывавшие в стане оппозиции солдаты и офицеры что-то рассказали по телевизору. Мы сможем им помочь всё спланировать. Можем, в конце концов, сами всё сделать – утром

у них будет наш план. Справимся. Я понимаю, что и как надо сделать.

– Понятно. Что сирийцы говорят о противнике?

– Говорят, что там не больше сотни бандитов, напроочь отрицают переход батальона на сторону оппозиции.

– По срокам что?

– Сирийцы спешат. Хотят начать уже одиннадцатого числа, в город будут входить 12-го. В любом случае надо откладывать. Подтянуть кое-что и всё полностью перепланировать. Кардинально. Кроме того, надо отработать с двумя батальонами действия в составе штурмовых отрядов при штурме города. То есть, если всё делать хорошо и быстро начинать, надо не ранее четырнадцатого.

– Что скажете? – обратился НГШ к начальнику ГОУ.

– Я считаю, штурм приведёт к расколу в армии. Это опасно. Поддерживаю Тимофеева. Но вместе с тем понимаю, что Асад не согласится с тем, чтобы город штурмовала эта их гвардия. Там отборные и самые преданные режиму алавиты. Реально их Генштаб не может приказать гвардии, ей только Асад указ. Хотя по всем документам не так. Асад республиканскую гвардию будет беречь. Поэтому, кроме армии, некому этим заниматься. А вот штурм города этой бригадой действительно надо откладывать и готовить, как предлагает Тимофеев.

– Чем мы им помочь можем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.